

Уинни М. Ли

Соучастники

Роман

CoRpus

18+

RODUCTION

ROLL

SCENE

SHOT

TAKE

*"Что мы на самом деле знаем об этих громких именах,
об этих репутациях, ныне пошедших прахом?"*

IRECTOR

CAMERAMAN

ATE

Уинни М. Ли Соучастники

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802282

Уинни М. Ли. Соучастники: Издательство АСТ: CORPUS; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-145169-1

Аннотация

Сара Лай мечтала стать продюсером, но ее карьера в кино внезапно оборвалась. Теперь она преподает в небольшом университете и больше всего хочет забыть о своих юношеских амбициях, не сожалеть о прошлом и не винить себя. Но когда к ней обращается журналист, интересующийся подробностями ее работы с известным кинопродюсером Хьюго Нортон, Сара понимает, что больше не может молчать. Это ее последний шанс рассказать о случившемся и, быть может, добиться возмездия. Но когда она начинает делиться тайнами, которые скрывала столько лет, Сара понимает, что и ей есть в чем каяться.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	55
Глава 6	72
Глава 7	84
Глава 8	100
Глава 9	123
Глава 10	129
Расшифровка разговора (фрагмент):	138
Глава 11	140
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Уинни М. Ли Соучастники

First published by The Orion Publishing Group, London

© by Winnie M Li, 2022

© Д. Харитонов, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,

2023

© ООО “Издательство Аст”, 2023

Издательство CORPUS ®

* * *

Уинни М. Ли

Как лучшие из режиссеров, Ли держит читателя в напряжении от начала до конца.

THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

Этот роман вырос из потребности открыто говорить о том, что столько времени замалчивалось и скрывалось. В нем описываются мир кино и мужчины, которые контролируют то, как и что будет подано.

THE GUARDIAN

Ли рассказывает о сексизме в киноиндустрии и о том, какую цену платят те, кто не решается говорить об

ЭТОМ ВСЛУХ.

Лив Константин

Пролог

Теперь я это вижу.

Я смотрю бесплатные газеты, которые набираю по дороге на работу – мусор, оставленный на сиденье вагона метро. На этих мятых страницах я узнаю имена из своей прошлой жизни. Лица, которые я видела в частном клубе, на афтерпати, на церемонии награждения, сидя в одолженных украшениях и одолженном платье, как и все остальные в этой захваленной, позерствующей публике.

Теперь, в 2017 году, я сижу в другой публике. Среди обычных людей, едущих на работу в трясущемся поезде через Бруклин, уже отсчитывая часы до того момента, когда мы выйдем из наших офисов и поедем тем же путем обратно, в противоположном направлении. Мы, пробегающие глазами газеты, чтобы мельком заглянуть в эту прославленную жизнь, – что мы на самом деле знаем об этих громких именах, об этих репутациях, ныне пошедших прахом?

В глубине души я тихо ликую – и сгораю от любопытства. Какой глава студии или киноидол следующим поймет, что от прошлого он не ушел? В фильмах ужасов толпа живых мертвецов наваливается на злодея, воздавая ему по заслугам.

Есть вещи, которых не похоронить, как ни затушевывай их подарками, пресс-релизами и фотографиями с улыбкой. Правда остается жить – даже если ее следы обнаруживаются

только когда ищешь: в вычеркнутых словах, во взглядах на неопубликованных фотографиях, во встречах, которые проходили за закрытыми дверями, но сопровождались странным молчанием. Или в односторонних смс, оставшихся без ответа.

Так что теперь мы все это видим.

Я-то и тогда видела. Но притворялась, будто не вижу.

Я смотрю на жизнь, которой, как мне казалось, я жила тогда, и на то, что вижу сейчас: словно показывают часть фильма, которая пропала и только-только нашлась. Две картин-ки мерцают, попадают в фокус.

Я все еще не могу в этом разобраться, но я стараюсь. Щурюсь на свет и надеюсь, что не все это время была слепой.

Я почему-то знаю, что это близко, хотя извне до меня еще ничего не доносилось. А происходит это благодаря неспешному, старомодному, почтенному электронному письму.

Не стремительным синапсам социальных сетей, потому что по этим каналам меня найти трудно. Ничего примечательного во мне нет, и подписываться там на меня, поблекшую тридцатидевятилетнюю женщину, никто особенно не хочет. Я теперь живу простой жизнью, езжу на метро до своих кабинета и аудитории в заурядном местном колледже. А потом, вечерами – обратно до своей тихой квартиры.

Но этим утром на мониторе моего компьютера в почтовом ящике возникает письмо. Непрошеное, но неназойливое –

незванный гость, ждущий, пока его заметят.

Имя, которого прежде в моем почтовом ящике никогда не возникало, но которое я сразу же узнаю.

Я сразу понимаю, о чем это письмо, хотя тема его совершенно нейтральная, вроде бы безобидная: *Несколько вопросов, связанных с расследованием "Нью-Йорк таймс"*.

У меня екает сердце, и я с усилием перевожу взгляд на остальные письма. Проблеск оживления в моих обыкновенно скучных буднях. На секунду я вспоминаю, каково это было, когда волнующие письма приходили в мой почтовый ящик каждый час, даже минуту. Офис, в котором кипит жизнь, забытое возбуждение от того, что ты в самом центре событий.

А затем, так же стремительно, меня накрывает волной другое похороненное чувство. Призрак, который мне не хотелось призывать.

Я решаю не открывать письмо. У меня есть другие, успокаивающе обыденные дела: оценки студентам, счет за квартиру, который надо оплатить, осенний пикник с барбекю, который устраивает кафедра.

Я уйду на первое свое занятие, так и не открыв письмо. Но оно маячит где-то у меня в голове, словно какой-то пыльный, заброшенный инструмент в темной глубине подсобки.

Как бы я ни старалась о нем не думать, я знаю, что оно никуда не делось.

Оно там, в сумраке – поджидает меня.

Глава 1

В богоспасаемом учебном заведении, где я преподаю, базовый курс сценарного мастерства буквально так и называется: “Базовый курс сценарного мастерства”. Вот так вот у нас тут все оригинально.

У меня в этом семестре три курса: две части “Базового курса сценарного мастерства” и еще один, тоже новаторски названный – “Продвинутый курс сценарного мастерства”.

Студенты у меня тоже не большие новаторы, хотя, наверное, это моя преподавательская забота – попытаться сделать так, чтобы они ими были. Но у большинства студентов этого колледжа амбиций куда больше, чем собственно таланта. Я, разумеется, сказать им этого не могу. Я должна потакать им, потворствовать их обреченным фантазиям о будущем в Голливуде, бережно приучая их вносить в сценарии какие-то нюансы, слегка отходить от рабской приверженности формуле.

И все-таки на этой работе я получаю зарплату, которой хватает на жизнь. Я, понятное дело, преподаю классику, Сида Филда и Роберта Макки, но и от себя кое-что добавляю. Знакомлю ребят с “каноном”, а потом даю им немного странностей. Давайте-ка посмотрим этот сновидческий, головоломный фильм-загадку тайского режиссера, чьего имени никому из нас не выговорить. А вот девяностоминутный чер-

но-белый фильм, запечатлевший Берлин 1920-х годов, идет сплошь под музыку, никаких диалогов. Держитесь, миллениалы.

Сегодня, на занятии по базовому курсу сценарного мастерства в половине одиннадцатого утра, мы говорим о персонаже.

– Как понять, что перед вами по-настоящему запоминающийся киноперсонаж? – спрашиваю я, чтобы расшевелить двадцать похмельных студентов, уставившихся на меня, как зомби.

Тишина в эфире.

Иногда помогает задать тот же вопрос, слегка переставив слова.

– Что делает киноперсонаж запоминающимся?

Теперь я перевожу взгляд с одного студента на другого, как бы понуждая произнести какую-нибудь фразу, издать какой-нибудь звук, просто подать какой-то признак разумной жизни. Смотрю на Клавдию, шатенку в очках, которая время от времени высказывает дельные соображения. Сегодня этого не происходит. Она безмолвно смотрит на меня.

Да что же такое, думаю я. Я ведь даже не о том, что им нужно было прочесть, спрашиваю. Это просто вопрос о кино, и все. Хочу крикнуть: “Ребята, скажите что-нибудь!”

Но вместо этого я дословно повторяю свой последний вопрос.

– Что делает киноперсонаж запоминающимся?

Наконец один юноша – разумеется, юноша – подает голос. Это Дэнни. Светло-каштановые волосы, немного пирсинга на лице, он в этой группе из разговорчивых.

– Ну-у... то, что ты этот персонаж помнишь?

Тут он испускает короткий, резкий смешок. Не знаю, смеется он над сущей глупостью своего ответа или над тем, как риторически обернул мой вопрос, но я даю хихиканью разойтись по аудитории и угаснуть. Так, поработай-ка с этими ребятами.

– А что заставляет тебя помнить этот персонаж? – спрашиваю я.

– То, что он смешной?

– То, что он всякую дичь творит?

– Что он секси.

Еще хихиканье после последнего соображения, но я не обращаю на него внимания.

– Ладно... какие персонажи вы прямо хорошо помните? – Я прохаживаюсь между парт, заглядывая студентам в глаза. – Давайте, назовите кого-нибудь.

– Джеймс Бонд! – выкрикивает кто-то.

– Люк Скайуокер, – говорит другой парень.

– Тор!

– Роберт Де Ниро в “Таксисте”, – говорит какой-то юноша, и я понимаю, что он бахвалится своим знанием кино – он ведь только что упомянул фильм, снятый раньше 1980 года.

– Ганнибал Лектор.

– А какие-нибудь персонажи, которые не *убивали* людей? – спрашиваю я.

Это вызывает у студентов смешки, но назвать таковых никто, кажется, не может. В итоге один из ребят говорит:

– Дамбо?

Ладно, сойдет и Дамбо. Снова пытаюсь их расшевелить – экспромтом.

– А женские персонажи какие-нибудь запоминающиеся?

Снова неловкое молчание.

– Джулия Робертс в “Красотке”? – спрашивает одна девушка.

Хочу крикнуть: “Она играла проститутку!” Вместо этого говорю:

– Ну, для начала. Она на “Оскара” номинировалась за эту роль. – Добавляю: – И прическа у нее была отличная.

Ребята вознаграждают меня смешками.

Тянется нескончаемая эта игра, но я хочу измерить пугающе неглубокие знания моих студентов о кино. Они называют помощниц супергероев. Называют диснеевских принцесс.

Наконец я говорю:

– А вот Скарлетт О’Хара в “Унесенных ветром”?

Студенты глядят на меня пустыми глазами.

– Ведь завтра будет уже другой день? – говорю я, цитируя знаменитые слова Скарлетт О’Хара, выражающие ее философию выживания. Все равно ничего. – Грандиозный эпос о Гражданской войне, действие происходит на Юге?

Я едва на них не кричу.

– Что, никто “Унесенных ветром” не видел?

– А-а... Я, кажется, как-то раз видел постер, – говорит Дэнни.

– Нужно будет, наверное, включить в нашу программу показ, – говорю я, не веря своим ушам и пытаюсь это скрыть. – В свое время этот фильм очень многое изменил в Голливуде. В нем не все блестяще по части расового вопроса, но он как-никак в 1939 году вышел.

– Господи, он же как бы *очень старый*, – дается диву голубоволосая, блескогубая Эвери.

– Ему столько же, сколько “Волшебнику из страны Оз”, – говорю я, чтобы ослабить ее потрясение. – Они вышли в один год.

– Я не смотрела “Волшебника из страны Оз”, – признается Эвери.

Ну просто плакать хочется – в Америке курсы по кино слушают люди, не смотревшие даже “Волшебника из страны Оз”. Но я не сдаюсь.

– Значит, киноперсонажи запоминаются – должны запоминаться, – если у тебя возникает какое-то представление об их внутренней жизни. Если ты можешь вообразить их надежды и страхи, что у них было в прошлом, какие у них есть слабые места и причины для неуверенности в себе.

Ребята кивают, но я понятия не имею, просачивается ли вообще что-нибудь из этого им в головы.

– Да, многое из этого возникает благодаря игре актеров, но актеры работают с тем, что написано в сценарии. Так что мы возвращаемся к важности сценария. Важности создания запоминающихся, трехмерных персонажей, которым веришь.

Я закончила прогулку между их парт. Дойдя до переднего края аудитории, смотрю на них всех вместе.

– Так что ваша задача как сценаристов – написать персонаж без штамповки: она хорошенькая, он... хорошо дерется. Персонаж, который мог бы сойти за человека, которого вы знаете в реальности. За человека, которому веришь.

Я все еще удерживаю их внимание, поэтому продолжаю.

– В кино главное – преодоление недоверия. Люди летают, города взрываются. Конечно. Но чтобы фильм смотрелся, нужно сперва поверить персонажам.

Студенты глядят на меня – непостижимое сборище.

Дэнни поднимает руку. Спрашивает:

– Сара?

– Да, пожалуйста.

– К слову о “которым веришь”, что вы думаете обо всех этих обвинениях?

Я смотрю на него и чувствую, как у меня учащается сердцебиение, хотя не думаю, что студенты что-то подозревают.

Молчу, даю ему продолжить.

– Ну вот это все про Билла Косби и этого Вайнштейна... Все эти женщины, которые через много лет обвиняют их в

насилии. Вы верите во все эти рассказы? То есть безумие же, нет?

Я старательно подбираю слова, старательно выдерживаю учительский тон.

– Что... вам кажется в этом безумным?

– То есть почему это выясняется сейчас – раньше-то они об этом молчали? Подозрительно как-то, нет?

И я подвисаю, на мгновение захотев дать студентам настоящий урок: о том, как по-настоящему устроена киноиндустрия, обо всех невероятностях, иерархиях и сокрушительном, отчаянном желании этой карьеры. Но у того, чему я могу учить их в качестве преподавателя, есть границы.

– Я не думаю... Только потому, что они так долго ждали, прежде чем об этом рассказать... Не думаю, что это обязательно означает, что этого *не происходило*. Может быть, сначала их надо выслушать, а потом формировать мнение.

На лице Дэнни – странное, неудовлетворенное выражение, но сказать что-то еще я не успеваю: вдруг, робко подняв руку, подает голос Клавдия.

– М-м, Сара? Я видела на IMDb, что вы на одном фильме работали с Холли Рэндольф. Это правда?

– Чегооо? – захватывает дух у одного из ребят. – *Да ладно.*

Если я еще не удерживала всеобщего внимания, то сейчас каждый студент смотрит на меня в ожидании ответа.

Конечно же: интернет-база данных о кино. Онлайн-архив, в котором каждый когда-либо снятый фильм и каждый че-

ловек, участвовавший в каждом когда-либо снятом фильме. Я могла бы, если бы по-настоящему захотела, попытаться убрать свое имя с IMDb, но последние ошметки гордости меня останавливают. Упоминание на IMDb – это долговечное подтверждение того, что я некогда была человеком примечательным, важной персоной (так, во всяком случае, я думала), что я некогда занималась более впечатляющими делами, чем преподавание базового курса сценарного мастерства стайке ребят в никому не ведомом колледже.

Сегодня, в этом веке, ничего по-настоящему не умирает.

Врать об этом я, разумеется, не могу. Это же прямым текстом написано на IMDb, куда любой студент может хоть сейчас заглянуть со своего телефона.

– Да, – говорю я после паузы. – Я работала на одном из ее ранних фильмов.

Я не упоминаю ни того обстоятельства, что это фильм, благодаря которому она сделала карьеру, ни того, что я была на нем ассистентом продюсера.

Эвери снова дается диву:

– Вот это да, а какая она? Я ее *обожаю!*

– С Холли Рэндольф прекрасно работалось, – киваю я. – Я очень рада ее успеху.

Я понимаю, какой это поверхностный ответ, – отбарабанила его, словно солдат из “Маньчжурского кандидата”, которому промыли мозги. Но меня слегка подташнивает. Я знаю, что если посмотреть тот же самый перечень имен на

IMDb, то неподалеку от наших с Холли увидишь еще одно. Имя исполнительного продюсера этого фильма. Имя, которое я бы хотела забыть.

Я бросаю взгляд на часы, радуюсь, что от занятия осталось всего две минуты.

– Послушайте, – говорю я, снова беря ситуацию в свои руки. – Мне кажется, мы отвлеклись. Ваше задание на неделю – найти убедительный персонаж в каком-нибудь фильме, только, пожалуйста, не в фильме о супергероях. Посмотрите *все* сцены с этим персонажем, сделайте заметки о том, что в нем или в ней кажется вам особенно убедительным. Почему этому персонажу веришь? Почему не хочется отвлекаться от просмотра?

Ребята недовольны. Только-только стало поинтереснее, а я тут со своим заданием.

Собирая со стола свои бумаги – голова опущена, на лице застыло бесстрастное выражение, – я вполне осознаю иронию.

Почему этому персонажу веришь?

Персонажи, живущие в наших воспоминаниях, – те, настоящие. Все их слабости, все их особые навыки и таланты, все их тайные стороны.

Письмо остается неоткрытым весь день, и под вечер, когда я больше не могу тянуть, я наконец щелкаю по нему мышью. Том Галлагер из “Нью-Йорк таймс”. Что скажешь?

Дорогая мисс Лай!

Надеюсь, это письмо не причинит Вам неудобства; я собираю материал по некоторым минувшим событиям, связанным с кинопродюсером Хьюго Норттом, для важной статьи в “Нью-Йорк таймс”. Если не ошибаюсь, Вы работали с мистером Норттом в “Конквест филмс” в середине 2000-х годов. Я хотел спросить, не найдется ли у Вас времени поговорить по телефону или встретиться лично, чтобы ответить на несколько вопросов. Пожалуйста, знайте, что все, Вами сказанное, будет совершенно конфиденциально, если Вы этого пожелаете...

Вот то имя, которого я десяток лет пыталась избегать, написано черным по белому прямо у меня перед глазами. Хьюго Норт.

Я несколько минут сижу с ним один на один, потом перечитываю письмо.

Если Вы этого пожелаете. Какая странная формулировка. Как заклинание, произнесенное джинном из лампы. Совершенно не та нелицеприятная, торопливая речь, которую можно было бы ожидать от газетного репортера. Но тут дело тонкое. Люди склонны к молчанию. И даже для того, чтобы просто послать письмо об этом незнакомому человеку, отправить его в пустоту, требуется толика лести и умения – если рассчитываешь на ответ. Даже если тебя зовут Том Галлагер и ты пишешь для “Нью-Йорк таймс”.

Интересно, так ли сильно его работа отличается от той,

которая в свое время была у меня. Умение задавать вопросы, медленно соединять людей друг с другом, чтобы создать нечто значимое. Но если кинопродюсер гнет спину, чтобы на пустом месте воздвиглась целая постановка – иллюзия, – то журналист-расследователь осуществляет раскопку. Соскребает грязь с того, что было похоронено: пока не проявится вся картина.

Но одному ему этого не сделать. Ему нужны люди вроде меня, чтобы показывали, где копать. А таких, как я, на свете много. Ему просто нужно их найти.

Возвращаясь на метро домой, я пытаюсь не думать о письме Тома Галлагера. Даже необычное написание его фамилии говорит о его принадлежности к избранным, к элите. Потому что он не какой-то там журналист, а наследник всеми любимой династии Галлагеров, поколений голубоглазых государственных мужей, возвышавших в Сенате голоса в защиту угнетенных. Но Том выбрал журналистику, как будто знал, что политика – гиблое дело. Хоть какой-то видимости справедливости приходится ждать лишь от переменчивых, неблагонадежных СМИ.

Я думаю об этом, нарезая на ужин салат, а потом берусь за кучу студенческих сценариев по десять-пятнадцать страниц каждый, вероятнее всего – среднего качества.

Гоня прочь мысли о Томе Галлагере, продираюсь через сценарии. Крутой нуар о доминиканских наркодилерах в

Бронксе. (*Жестко и атмосферно, пишу я. А можете ли вы показать в ваших персонажах человеческое?*) При этом я думаю: ну и кто даст на это добро? Если только не задействовать трех величайших звезд-латиноамериканцев всех времен, возможно, начинавших в музыкальной индустрии.

Далее. Проникновенная драма о разлаженной новоанглийской семье на грани кризиса. (*Персонажи у вас отличные, пишу я. Но я не вполне понимаю, что у вас будет с сюжетом...*) Опять же, никому такие фильмы не нужны. Разве что матриарха сыграет одна легендарная обладательница множества “Оскар”.

Я разделяюсь с восемью заданиями и все, хорошенького понемножку. Думаю, не посмотреть ли что-нибудь, серию сериала или кусок фильма, – времени-то уже много. Но что бы я ни стала смотреть, я, скорее всего, расстроюсь. Сейчас единственное, что меня успокаивает, что по-настоящему переносит меня в другой мир, – это документальные фильмы о природе.

Я чищу зубы, забираюсь в постель.

То письмо светится на воображаемом экране в моей голове.

Я представляю себе, как пишу: “Дорогой Том...”

Или я бы написала “мистер Галлагер”?

Тут причудливая расстановка сил – мне уже приходилось иметь с ней дело, но такого, чтобы прославленный журналист пытался добыть информацию у *меня*, раньше все-таки

не бывало.

Нет, у тебя есть история, напоминаю я себе. Будь с ним на равных.

Дорогой Том – спасибо, что написали. Я, наверное, готова буду поговорить, но я бы очень не хотела никакой огласки. Будет ли у Вас время для разговора на этих выходных?

Заставь ждать. Вся эта игра.

Но если быть с собой совершенно честной (а я в этом отнюдь не мастерица), то я до конца не уверена, что хочу эту историю рассказать.

Глава 2

Необычайно жарким октябрьским утром я наконец сажусь в поезд L, чтобы встретиться с Томом Галлагером. Яркое солнце освещает Таймс-сквер, где бурлит тот самый нелепый поток, которым эта площадь всегда может похвастаться, – двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Разинув рты, ходят туристы, глазающие на непрерывное мельтешение видеоэкранов и неоновых огней. Наряженные гигантскими цыплятами, римскими центурионами и Статуями Свободы люди-рекламы лезут из кожи вон, чтобы привлечь их внимание. Контуженная чернокожая женщина, закутанная в разношерстную одежду, нетвердо стоит на углу 42-й улицы и 8-й авеню. Она жестикулирует в сторону перекрестка, бормоча в пространство, ее руки пытаются убедить невидимую публику.

– Никогда они меня не слушают. Я им все время говорю, но все время одно и то же. Вранье одно, сплошное вранье...

Я хочу задержаться и послушать еще, но тут меня как магнитом притягивает крепость в стиле ар-деко, вырастающая из жаркой пасти Таймс-сквер; ее происхождение запечатлено на фасаде на уровне второго этажа узнаваемым с первого взгляда готическим шрифтом. Этаж за этажом оплот усердной журналистики поднимается высоко в загрязненные небеса, а бездомные и поглощенные своими мыслями роятся

внизу, ничего вокруг не замечая.

Я подхожу к темным вращающимся дверям здания “Таймс”. Врата Рая. Или Ада: это зависит от того, кто ты.

И все – один поворот, и меня уносит.

От жары и грязи многолюдного города – в покойное, девственно чистое святилище приемной. Я вдыхаю пресный воздух, пахнущий безопасностью и своего рода престижем. Уже больше столетия эта газета просвещает всю страну. Кого-то из работающих здесь я, наверное, знаю по университету, но ни за что на свете не хочу встречаться с ними здесь в выходной. Я самая обыкновенная посетительница, только и всего.

Я отмечаюсь, волнуюсь, – вдруг меня не окажется в списке приглашенных. Но пропуск скужающая секретарша мне выписывает. Цифровой фотоаппарат делает смазанный снимок моего лица, вроде портрета из кривого зеркала.

Не без облегчения (и веселья) я беру его и сажусь на удобный серый диван. Жду, когда придет Том Галлагер.

Он замечательно пунктуален: входит всего лишь несколько минут спустя. На его мальчишеском лице – любезная улыбка, а руки почтительно сложены. Надо признаться, я впечатлена этой демонстрацией скромности, учитывая, как он знаменит.

На Томе очки в роговой оправе, словно в честь старых

фильмов о газетчиках. А может, чтобы замаскировать его молодость или наследственную привлекательность, которой не скрыть: те же благородные черты, которые видим у его предков по мужской линии.

– Сара, я очень рад вас видеть. Спасибо огромное, что пришли.

Встаю; быстрое, но радушное рукопожатие.

Хоть сейчас и суббота, одет он не без старания. Рубашка с воротником на пуговицах (не белая – светло-зеленая) и темные джинсы.

Беру сумку.

– Простите, что только в выходной смогла. На неделе было много дел и мне... нужно было подготовиться к этому разговору.

Это и ложь, и не ложь. Не сказать, что в моей нынешней жизни много дел. Но что мне нужно было время на подготовку – правда. Мне было нужно как минимум десять лет.

Мы сидим в уединенной переговорной на двадцать пятом этаже, дверь закрыта, мы с Томом Галлагером одни. С высоты открывается завидная панорама мидтауна и Гудзона; осенний свет дробится в окнах и водах внизу. Есть стол: круглый, приземистый, коричневого стекла, он становится невыразительным алтарем для цифрового диктофона.

– Надеюсь, вы понимаете, – учтиво поясняет Том, – запись нужна для верности; я ни в коем случае не хотел бы неточно

вас процитировать.

– То есть вы сейчас можете дословно цитировать любые мои слова? – спрашиваю я.

Я нервничаю сильнее, чем ожидала, и этот детский вопрос выдает мою неискушенность в журналистских делах. Я втихомолку ругаю себя за то, что задала его.

– Пожалуйста, не тревожьтесь, – он выставляет ладонь, успокаивая меня. – Этих решений я сейчас принимать не буду. Пока что давайте просто поговорим. Я хочу убедиться, что вы всем довольны.

Довольны. Давненько никто не думал о моем довольстве.

– Но... цитирование. Не хотелось бы сказать что-нибудь такое, что вы вырвете из контекста. – Я смотрю на диктофон, словно это бомба с часовым механизмом, красные цифры показывают обратный отсчет. – Или что-нибудь такое, о чем потом пожалею.

– Не вырву. Обещаю, что не вырву. В такой истории без контекста никуда. – Теперь его руки сложены полумолитвенно, взгляд голубых глаз серьезен. Интересно, это благодаря тому, как у Галлагеров воспитывают детей, он так хорошо, так... убедительно умеет показать искренность?

– Послушайте, – продолжает он, слегка подавшись вперед. – На этом этапе я просто собираю информацию. Контекст собираю, если угодно. Пройдут недели, а может, и месяцы, прежде чем я начну писать об этом следующую статью. Так что когда дойдет до дела, *если* я захочу дословно

вас процитировать, то непременно с вами свяжусь и удостоверюсь, что сказанное вами вас устраивает. А времени на то, чтобы все это обдумать, у вас сейчас сколько угодно.

Я киваю:

– Обещаете?

– А как же, честное скаутское! – Он поднимает ладонь и ухмыляется; белые зубы сверкают в дурашливой, ироничной улыбке.

Ты родился в девяностые, хочу сказать я. В твоём детстве бойскауты вообще существовали?

Но это сочетание знакомого лица, очков в роговой оправе, изображение им добропорядочного белого соседского мальчика действует.

– Ладно, – снова киваю я. – Смотрите у меня.

Нацеливаю на него палец, как пистолет. Мой черед ухмыляться.

Том продолжает:

– В “Таймс” не принято перепроверять цитаты, но это такая важная и деликатная тема для... вас, возможно, и для других. Ваша собственная история – важнее всего. Я хочу быть уверен, что ваша точка зрения передана корректно.

Последние слова – уже, наверное, лишние. В “Таймс” не принято, но... На ум приходят продавцы с обычными их ухищрениями, цель которых – тебя завлечь. “Обычно я такого для наших клиентов не делаю, но лично вам будет подарок от фирмы...” Мой цинизм возвращается как раз вовремя.

мя, приводит меня в чувство.

Все мы пытаемся что-то друг другу продать, правда?

Только на сей раз я не знаю, подлежит ли обсуждению цена.

Том включает запись, и на машинке загорается красный огонек.

Мы откидываемся на своих диванах. Рядом со мной стоит чашка “Нью-Йорк таймс”, полная кофе; на ней красуется знаменитый девиз газеты. “Все новости, пригодные к печати”.

Том отпивает воды.

– Расскажите немного о том, как вы вообще занялись кино. До того, как стали работать с Хьюго Нортом.

Тут я даже не знаю, с чего начать. С того, как я впервые посмотрела фильм? (“Питера Пэна”, когда его снова выпустили на экраны в 1982 году, потом “Возвращение джедая” по выходе в прокат.) Или с тех воскресных вечеров, когда я каждый год без пропуска смотрела “Оскара”? При том что родители с бабушкой каждый раз возмущались, что я не в кровати, и приходилось убавлять громкость и подползать к экрану, чтобы слышать, что говорят награждающие, а родные засыпали – им это было неинтересно.

Меня это не волновало. На одну ночь в году это был мой техникolorовый сон, мерцавший за черно-белым порогом моего унылого дома. Роскошь и фантазия. Кинозвезды,

легенды киноиндустрии источали слезы и признательность, поднимаясь за своими золотыми статуэтками. Они сияли с другого края континента – невозможные создания в невозможном царстве.

Я не думала, что когда-нибудь смогу стать частью этого мира. Но каким-то образом я сумела в него попасть.

Глава 3

Вообразите типичный фильм со вставной историей. Мы знаем, как это выглядит: один персонаж говорит с другим, откидывается, предавшись воспоминаниям, и изображение на экране плывет, растворяется в сцене, которую мы инстинктивно опознаем как прошлое. Такие флешбэки есть во “Все о Еве”, в “Гражданине Кейне”, практически в каждом фильме Хичкока. Это сговор о соучастии между режиссером и зрителем.

Вот это вот сейчас и происходит. Я, разумеется, не сообщая Тому Галлагеру каждой мелкой подробности из той моей жизни. Во мне постоянно идет торг: сколько выкладывать? Сколько я *хочу* вспомнить? Но, рассказывая, я поневоле переносусь в то время, когда была помоложе, – погружения в прошлое мне не избежать.

Начать мне нужно с той меня, которая была от всего этого в стороне. Иначе толком не понять остального.

В Колумбийском университете я занималась англо-американской литературой. Я – типичный средний ребенок, обделенный вниманием и предоставленный сам себе. Спасением для меня всегда были истории. На экране ли, в книгах – все равно. Через кафедру англо-американской литературы я обнаружила киноведческие курсы и зачастила на все, которые

могла посещать.

Моему выбору специализации родители не обрадовались. Моя старшая сестра Карен пошла по бухгалтерской части, и они надеялись, что я займусь чем-то столь же... практически применимым. Но по большому счету они не могли всерьез возмущаться, если я получала хорошие оценки. Действительно, чего им еще было нужно?

Времени на что-то сверх программы у меня в университете было немного, поскольку я должна была участвовать в семейном деле.

– А что за дело? – спрашивает Том, по-видимому, с искренним любопытством.

Я бросаю взгляд на его аристократическое белое лицо и прячу ухмылку. *Да уж твоему семейному делу неровня.*

– Моя семья управляет китайским рестораном во Флашинге, – говорю я, глядя ему прямо в глаза.

Ну, владеет и управляет. Открыл его мой дед, когда перебрался сюда из Гонконга, а потом им некоторое время заведовал мой отец – пока двоюродный дед не прибыл. Родители работают программистами, но заодно помогают с рестораном. Мы все помогаем.

– А, – говорит Том.

Ему, похоже, неловко. А чего он ожидал – семейной адвокатской конторы? Кабинетов в дубовых панелях и портретов патриархов? Как же.

– Значит, вы работали в ресторане параллельно с учебой?

Да, главным образом по выходным. Тогда дел было больше всего. Когда мои друзья отходили от похмелья после субботней вечеринки, поедая сделанный по индивидуальному заказу омлет за долгим, веселым поздним завтраком в университетской столовой, я была во Флашинге, сдерживая сонмы шумных китайских семейств, отчаянно рвущихся к своим воскресным димсамам.

Мой обожаемый младший брат Эдисон к работе в семейном ресторане не привлекался, а вот нам с Карен были назначены смены по выходным. У меня лучше получалось управляться с толпой, развлекать посетителей, пока у меня за спиной спешно приводили в порядок столики. Поэтому Карен доросла до ведения ресторанной бухгалтерии в служебном помещении, а я по двенадцать часов проводила на ногах, надрывая глотку. А потом поздним вечером возвращалась поездом номер семь на неделю в университет: сил нет, волосы с одеждой пропахли стир-фрай, и еще нужно несколько часов доделывать домашнее задание.

– А когда же вы впервые соприкоснулись с киноиндустрией?

Да, Том Галлагер хочет перейти к сути дела. Но все хорошие режиссеры не забывают сперва дать немного предыстории. Увлеки публику своими персонажами с их невзгодами. Чего они хотят, в чем нуждаются?

Я *хотела* работать в кино. Семейное дело во мне *нуждалось*. Нумеровать столики, раздавать меню, следить за тем,

чтобы чайники были полны, желудки насыщены. Понятно – пирамида потребностей. Аппетит прежде искусства.

После выпуска с работой у меня ничего решено не было. Никто не наставлял меня весь последний год в университете, когда ты должен – метафорически – отмеривать и отрезать, нестись на всех парах к вожделенному предложению от консалтинговой компании, инвестиционного банка или аспирантуры. Предполагалось, что предшествовавшее лето я проведу, стажирясь там, где мне бы когда-нибудь хотелось работать. Но загадывать так далеко вперед я не могла. Мой двоюродный дед только-только перенес инфаркт, поэтому мне пришлось впрячься и временно управлять рестораном – ни хера ж себе, студентке двадцатилетней семейным делом управлять, – пока дед поправлялся. Поэтому нет, я не снискала расположения мира корпораций в тот ключевой момент перед последним годом.

На следующий год, жарким манхэттенским летом я выпустилась – и все мои друзья разлетелись по своим новым работам в престижных местах. А я, так сказать, осталась на месте, и деваться мне было некуда.

– Но уж после Колумбийского-то университета вы наверняка могли установить связи с кем-нибудь из выпускников... – начинает Том, потом замолкает. Возможно, поняв, что вышел за рамки дозволенного журналисту.

– Я тогда по-настоящему не понимала, как устанавливать связи, – поясняю я.

А вот того, что это – иммигрантские дела, я не говорю. Если твои родители не здесь родились, или, может, если они не западные люди, то тебе этих игр по-настоящему не освоить. У тебя нет этих семейных знакомств, с которых можно начать, тебе по-настоящему не дается этот самоуверенный американский широкий шаг со своими намерениями наперевес, строительство из полезных отношений дороги к желанной профессии... Наши родители нас этому не учат. Меня, во всяком случае, не учили.

Разумеется, у моей семьи были знакомства. В китайском ресторанном бизнесе. Но весь-то смысл иммиграции в том, чтобы твоим детям не приходилось всю жизнь вонять стирфрай.

– Так, ясно, – говорит Том. Понимающий кивок.

Мы оба смеемся.

И этого довольно. Этого признания Томом Галлагером того обстоятельства, что не каждый рождается в рубашке. Чего изволишь, Томми? Блистательной политической карьеры, как у родичей? Или в шоу-бизнесе? Или, чтобы быть уж совсем образцом добродетели... в журналистике?

У меня такого выбора не было. Тогда-то – уж точно. Да и сейчас нет, когда мне под сорок.

И вот этой вот установке связей я училась позже, работая на первую свою начальницу, Сильвию, – а потом у Хьюго Норта. Я от них многое усвоила. Что правда, то правда.

Поскольку я выпустилась членом общества *Phi Beta Kappa*, мои родители (явив редкую милость) дали мне летний отпуск. В смысле – не стояли у меня все время над душой. Они сказали, что я могу на несколько месяцев расслабиться, решить, что буду делать дальше, – впрочем, продолжая отрабатывать свои смены в ресторане по выходным.

Я предпочитаю думать, что они свыкались с ситуацией, но на самом деле подозреваю, что их тревожила моя неприкаянность. Бестолочь какая-то: закончила Колумбийский университет, а заработков не предвидится. (То ли дело моя сестра, которая прямо с выпуска попала на подготовительную программу одной из аудиторских компаний Большой пятерки.)

Возможно, все родители тревожные, но мои были особенно тревожные. Может, это китайские дела или азиатские дела. Если использовать политически сомнительную пищевую метафору, тревога – это невидимая приправа, которая портит все наши блюда. Она – в каждом табеле успеваемости, в каждом разговоре за ужином, в каждом разе, когда нас провожают за порог. Вероятно, она порождается жизнью не в своей культуре.

Родителям стало полегче, когда мне пришлось вернуться к ним, выехав из общежития Колумбийского университета. Вернуться в четырехкомнатную квартиру во Флашинге, где я выросла. Вся мебель укрыта прозрачными пластиковыми чехлами, на стенах висят китайские свитки, с улицы под на-

ми, из соседней квартиры, с нашей собственной кухни доносится вечный запах жира. Меня словно загнали обратно в клетку, которую я переросла. Прутья этой клетки не поддавались, и я чувствовала, как на меня давит каждый из них.

Летом все это было почти невыносимо. Из экономии мама редко включала кондиционер, и я в этой квартире растекалась вялой амебой, неспособной к мышлению высшего порядка.

Спасалась я походами в библиотеку Куинса. Там меня раздражали скопища семей, которые, как и я, укрывались от городской жары и экономили на своем электричестве, уходя к стеллажам под кондиционерами и бесплатному чтению.

В какой-то момент я стала уходить подальше. Добиралась обратно до Манхэттена, обратно до Колумбийского университета. Снова зачастила в эти здания из красного кирпича и чудесным образом нашла подработку на лето при старшей преподавательнице киноведения, чьи курсы слушала до того. У меня был жизненно важный пропуск Колумбийского университета, открывавший обратный путь в знакомые заветные пространства: просторные библиотеки, кафедральные коридоры с досками объявлений, обклеенными яркими листочками. Летом эти пространства в основном пустовали; кондиционеры работали на полную катушку. Шли летние курсы по киноведению, вот только устроиться ассистентом я уже не успевала. Но преподавательница разрешила мне слушать ее лекции, присутствовать на показах фильмов и – самое глав-

ное – устраивать эти показы.

Расскажу-ка немного о своем романе с кино. Любовь с первого взгляда между двумя людьми – это, наверное, миф, и для многих он оборачивается горьким разочарованием. Но любовь с первого взгляда между человеком и кино реальна, и она всегда радует. Я знала это с той минуты, когда в нежном возрасте четырех лет вошла в темный кинозал. Я сидела, глаза снизу вверх на экран, пришибленная разворачивавшейся надо мной историей, в которой все было не как в жизни – и которая девяносто минут была важнее, чем жизнь. Этот мир навсегда сделался интереснее моего монотонного существования.

С тех пор я любила кино. Но моя семья редко ходила что-нибудь смотреть. Ходить в кино стоит денег, а телевизор почти бесплатный, не считая расходов на электричество. Так что наши походы в эти священные храмы кинопросмотра имели место лишь несколько раз в год, и мама добросовестно штудировала рецензии, чтобы гарантировать, что мы потратимся исключительно на трех- или четырехзвездочные фильмы. Но я все равно смотрела телепередачи о кино: Сискела с Эбертом, Рекса Рида, этих знающих белых мужчин, говоривших мне, какие фильмы стоит посмотреть, хоть я и знала, что посмотреть их мне не светит. Я смотрела “Оскары”, а под конец года – ретроспективы лучших фильмов. Читала все газетные рецензии и материалы о съемках, по понедельникам выискивала сводки о кассовых сборах.

Если бóльшую часть моего детства этот роман был весьма односторонним, то смело скажу: с тех пор из него вызрели самые прочные отношения, что у меня были по сей день. Потому что фильмы не подводят. Они никуда не денутся, всегда утешат, облегчат чувство одиночества, которое, случается, испытываешь в жизни, обеспечат столько драматизма, страха и радости, сколько за пределами кинотеатра тебе никогда не видать. Столько превосходно сделанных историй, столько радующих финалов, сколько тебе никогда не изведать.

Тогда, в двадцать два года, я ко всему, что касалось мира кино, относилась как к чему-то сакральному. И когда эта старшая преподавательница попросила меня устраивать для нее показы, я как-то затрепетала, поняв, что буду по-настоящему иметь дело с реальными, живыми людьми, работающими в киноиндустрии.

Помню, как впервые позвонила кинопрокатчикам. Они находились в мидтауне, всего в нескольких милях к югу от того места, где на кафедре сидела я.

– “Синебюро”, – сказал некто очень деловым и профессиональным тоном.

– Здравсьте, это “Синебюро”? – спросила я. И тут же возненавидела себя, поскольку ответ на этот вопрос был уже дан.

– Да, это оно. – Женщину моя глупость не впечатлила.

– Здравсьте, да, я звоню из Колумбийского университета по просьбе старшей преподавательницы Кристин Брэдфорд, которая читает летний курс по киноведению. Мы сейчас про-

ходим “Без крыши, вне закона” Аньес Варда, и я бы хотела устроить показ для наших студентов.

– Так, значит, образовательный показ? Сейчас посмотрю, какие у нас на образовательные показы расценки.

И вот так вот у меня вдруг появилась предназначение. Законное место на земле. Я толком не назвалась (назвалась только в конце разговора), но у меня была причина для звонка, и над моей причиной не посмеялись.

Я могла заказать тридцатипятимиллиметровую фильмокопию и прокатное удостоверение. Это была доказуемая сделка внутри киноиндустрии.

Я поняла, что это не отличается от заказа пророщенных бобов и кунжутного масла оптом у нашего поставщика. Заключи соглашение, условься о цене (а с бюджетом Колумбийского университета мне и торговаться не нужно было), организуй доставку.

О, эти откровения, когда мы молоды и начинаем понимать, как устроен мир. Что в этом мире все – просто ряд сделок, реклама уникального товара, который мы предлагаем, нас самих, нашего таланта. Нашей истории, никогда не являющейся такой особенной, какой она представляется нам.

Я общалась с “Синебюро” еще несколько недель, и все это время Стефани, сотрудница на другом конце провода, склоняла меня заказать у нее еще “вещей”. Французская “новая волна” интересует? Или Новый Голливуд семидесятых годов? Имеется исключительная подборка документальных

фильмов *синема верите*.

Я поняла, что она проявляет ко мне почтение, – а все потому, что у меня были деньги и вроде как возможность решать, какие показывать фильмы и заказывать ли их через ее компанию. На самом деле принятие этих решений было не в моей власти. Я подчинялась распоряжениям заданной программы, преподавательница уже все выбрала, но некая моя сторона наслаждалась иллюзией такой власти, во всяком случае во время разговоров со Стефани.

Может, так меня и зацепило. Иллюзия власти – или хотя бы возбуждение от того, что этой иллюзией располагаешь.

И это, мистер Галлагер, тот дух, который господствует во всей киноиндустрии.

Но я думаю, вам это уже известно.

Глава 4

Устраивая показы, я постепенно поняла, что компании вроде “Синебюро” – это просто малопримечательные прокатчики, торгующие готовыми фильмами вразнос, как зеленщики с Флашинг-стрит, торопящиеся сбыть утренний сбор бок-чой или личи. Два за три доллара! Два за три доллара!

Разумеется, огорчительно было узнать, что не эти компании *делают* фильмы, не они суть творческие силы, рождающие кинематографические шедевры. Что *волшебство* случается в продюсерских компаниях – где процветают гений и творческое сотрудничество. Но как же мне было попасть в эту Святую землю?

Я нашла справочник продюсерских компаний и провела на кафедре несколько поздних вечеров, тщательно выделывая идеальные мотивационные письма, которые передавали бы мою страсть к кино, гармоничное сочетание моих выдающихся академических успехов с практическими навыками. *В настоящее время я также готова обходиться возмещением расходов*, добавила я, надеясь, что это продемонстрирует мою целеустремленность. Распечатала их заодно с резюме (также составленным с большим усердием). Похитила у Колумбийского университета несколько конвертов для рассылки, подумав, что его символика может произвести выиг-

рышное впечатление, может поспособствовать тому, чтобы к их содержимому отнеслись посерьезнее.

Но за марки я заплатила сама.

Я разослала около шестидесяти писем, какие-то в обычных конвертах, какие-то в университетских. И с нетерпением ждала.

– Шестьдесят писем? – повторила моя сестра за обедом у нее на той неделе. – Ну, я уверена, что уж *кто-нибудь* да откликнется.

И некоторое время я воображала, что в моей электронной почте возникнет письмо или на телефоне высветится неизвестный номер. Но прошел месяц, а ничего не было.

Меня тучей накрыла безысходность.

Я ходила в библиотеки Колумбийского университета и, не покладая рук, читала книги о кино и сценарии. Брала фильмы на DVD – всё подряд, от медленных иностранных фильмов до блэксплотейшн и новых блокбастеров, – и смотрела их на своем ноутбуке в липкой родительской квартире. Тянулось лето, нестерпимо влажное, и в конце его непременно должно было состояться заседание с насупившимися родителями. Должно было быть принято радикальное решение, вследствие которого меня, возможно, определили бы на бухгалтерские курсы или отослали бы в Гонконг учиться высокому искусству расширения китайского ресторанного бизнеса. Что-то уничтожило бы всякую вероятность того, что я попаду в это далекое царство сценариев, хедшот-фотографий

и номеров журнала “Вэрайети”, веером разложенных на столике в кондиционируемой приемной.

Я хотела доехать на метро до центра, где у этих продюсерских компаний все кипит – адреса-то я узнала, когда рассылала мотивационные письма, – и покрутиться там, показаться рвущейся к знаниям, рьяной ученицей. Но решила, что так меня сочтут сумасшедшей. Готовой унижаться. И близко не такой классной, чтобы быть частью этого мира.

В итоге входной билет мне обеспечило объявление на доске. Я увидела его на предпоследней неделе летней школы. Невыразительный белый листок, приклеенный к правой части доски “События и вакансии”. Не ярко-розовая бумага, не цвета электрик, как у студенческих групп, рекламирующих сходки в стиле 80-х или радикально-феминистские вечера художественной декламации. Простая белая – и на ней один абзац, набранный шрифтом *Times New Roman*.

Динамичная кинопродюсерская компания ищет стажера на несколько месяцев

Мы – динамичная кинопродюсерская компания, расположенная рядом с Вест-Виллидж. Мы производим короткометражные фильмы; также на стадии разработки несколько полнометражных. Мы ищем много, увлеченного, трудолюбивого человека, который поможет нам вывести компанию на следующий уровень. Стажировка неоплачиваемая, но расходы могут быть возмещены. Вы, в свою очередь, многое узнаете о буднях киноиндустрии, а

в зависимости от результатов и обстоятельств возможно трудоустройство. Пожалуйста, присылайте мотивационное письмо и резюме по адресу: fireflyfilms@aol.com.

Постфактум – это объявление было таким шаблонным, состояло из таких общих слов, что любой нормальный человек заподозрил бы неладное. Что за “Фаерфлай филмс”? Существуют ли они вообще? Откуда я могла знать, что это не обычная разводка?

Я увидела этот белый листок бумаги и прочла его дважды. Три раза.

Не знаю, когда он там появился, но я проходила мимо этой доски объявлений по много раз на дню и точно заметила бы его раньше. Кто его повесил? Я огляделась, но на кафедре, не считая меня, было пусто. Столы, за которыми никого, невыразительное гудение кондиционера, афиши, колышущиеся от ветерка из вентиляции.

Я достала блокнот и списала адрес, пошла было прочь.

Потом обернулась. Подошла поближе к доске объявлений, еще раз просмотрела текст. У меня зачастило сердце, когда я попыталась вообразить себя в самом сердце офиса этой динамичной продюсерской компании, – вокруг меня звонят телефоны, на столе громоздятся сценарии, которые я должна прочесть.

Так ли уж кому-нибудь еще нужно было это видеть?

Я еще раз оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что

я одна. Потом сняла распечатку с доски, сложила и засунула в сумку.

Бесшумным радующим нажатием глубоко вдавила кнопку в пробковую поверхность.

Пространство под ней снова было пустым – таким же, как тем утром.

В своем рассказе Тому я опускаю эту маленькую подробность.

Как я прикарманила объявление с доски, скрыв его от посторонних глаз. В конце концов, для истории, которая интересна *ему*, это не главное. Но вот так вот она начинается. Ограждение от окружающих представляющихся возможностей, расчетливое движение вперед, опаска – как бы тебя не опередили.

Поэтому, когда я в тот день уходила из университета, в желудке у меня плескался тошнотворный коктейль из вины и восторга. На душе было вроде как скверно, но по-хорошему. Как у ребенка, стянувшего конфетку из ближнего магазина. Возбуждение – тебе это сошло с рук – и стыд оттого, что обокрал мистера Кима, или Рахмана, или Лопеса, этого лавочника, которого знаешь все свое детство.

Но в этом случае, рассуждала я, в сущности, я никого не обкрадывала. Объявление было для всех, кто угодно в Школе искусств Колумбийского университета мог его увидеть. Просто так вышло, что я его пораньше сняла.

Когда я думаю об этом сейчас, эта моральная дилемма двадцатилетнего человека меня забавляет. Быть такой юной, видеть в каждом совершаемом поступке важный нравственный смысл.

Но по правде сказать, разве во всей киноиндустрии делается как-то иначе? Чаще всего и без доски объявлений обходится. Телефонный звонок, смс, отправленное одним человеком другому. Найди кого-нибудь молодого, кого-нибудь, кому нейдет. А нас, толпящихся по краям этого мира, прижимающихся носами к окну, так много, что мы превращаемся в расходный материал.

Даже тут – много ли начинающих репортеров с горящими глазами и блогеров не убили бы ради того, чтобы попасть в эти заветные пятьдесят два этажа журналистской принципиальности?

Я не задаю этого вопроса Тому Галлагеру: к нему-то это никак не относится.

Он свои права заявил уже в юном возрасте двадцати семи лет. К нему, наверное, летят номинации на Пулитцеровскую премию вместе с предложениями вести аналитическую телепрограмму или сняться на обложку “GQ”. Но на каждого него приходится по тысяче нас. Надеющихся молодыми выйти в люди, стать кем-то из тридцати моложе тридцати или из сорока моложе сорока.

А вот рейтингов пятидесяти моложе пятидесяти не бывает. Потому что если мы к этому возрасту в этот мир не во-

шли, то, наверное, нам там и не место.

Но как же тогда мне, ребенку иммигрантов из Гонконга, удалось попасть в это благословенное царство с многолюдных, пахнущих жиром улиц Флашинга?

Как-то утром я встала на тротуаре в Митпэкинге, неподалеку от Вест-Виллидж, и позвонила в офис “Фаерфлай филмс” на третьем этаже. Поднялась по голой бетонной лестнице и вошла в переделанное производственное помещение, залитое естественным светом. Под высоким потолком змеилась сеть металлических труб, с кирпичных стен улыбались кинодивы на огромных обрамленных афишах фильмов 1950-х годов. Мэрилин, Рита, Грейс.

Ко мне подошла стройная, очень ухоженная женщина средних лет; ее каблуки громко цокали в пещерообразном пространстве.

– Вы, наверное, Сара, – радушно сказала она.

– Да, это я, – ответила я, пытаюсь выразить должный энтузиазм, но при этом не показаться уж совсем желторотой.

– Приятно познакомиться. Я Сильвия Циммерман. Садитесь, пожалуйста, – она указала на диван в углу, который выглядел как три морковного цвета подушки, под честное слово пристроенных на геометрическом стальном каркасе. Села напротив меня в круглое кресло.

Мы обменялись любезностями и поговорили о кино. Что я в последнее время смотрела? Что мне в этих фильмах по-

нравилось?

Я думала, что она задаст какой-нибудь из этих мучительных вопросов, сочиненных специально для собеседований (“В чем ваша главная слабость?”, “Опишите ситуацию, в которой вам пришлось преодолеть неожиданное препятствие”, и т. д.). Но об этом речи не было. Только о каких-то житейских вещах и о том, что от меня потребуется. Появляйтесь каждый день, после половины десятого. Будьте готовы выполнять самые разные задания, через две недели пересмотрим наши договоренности. Оплаты не будет, но можем купить вам проездной на метро. Когда сможете приступить?

Я смотрела на нее, приоткрыв рот. Она, конечно, распечатала мое резюме и бегло на него сослалась (“Похоже, вы накопили много хорошего практического опыта в других областях и всерьез интересуетесь кино”), – но это что, все? Меня так легко приняли в это общество?

По-видимому, все. При условии, что я не захочу денег.

– М-м, может, в четверг? – спросила я, назвав буквально первый пришедший мне в голову день недели.

– Великолепно, приходите тогда к одиннадцати.

– Наверное, получится... Наверняка смогу сказать после того, как кое с чем разберусь, – сказала я.

Кое-что я забыла, а именно – сообщить об этой стажировке (и главное, о том моменте, что работать придется бесплатно) родителям.

– В общем... меня взяли! – радостно сказала я Карен по телефону, шагая под заброшенной железной дорогой, которая годы спустя превратится в парк Хай-Лайн. Я знала, что она на работе, но от возбуждения кричала; мой голос откликнулся эхом под стальной платформой.

– Да ладно! Поздравляю! – воскликнула Карен. На фоне я слышала блеющие телефоны и гудение открытого офиса. Сердце у меня пело. Скоро я тоже устроюсь на благополучном рабочем месте, докажу, что не просто так на свете живу. – Видишь, я же говорила, что все образуется. Классные они?

– Классные? Да.

Уж точно класснее, чем в бухгалтерской компании. Пробегаю мимо стройплощадки, где мучительно громко сверлили, я заткнула другое ухо. Почему Нижний Манхэттен постоянно строится? Никак этот город не закончит себя перedelывать.

– Но, м-м... Зарплаты как таковой не будет. Так что в этом смысле это не *совсем* работа, – добавила я. – Скорее... перспектива.

– Ага, перспектива... – задумчиво произнесла Карен. В ее мире регулярных выплат и корпоративных программ профессионального обучения это, вероятно, прозвучало очень подозрительно. – Ну, если *ты* довольна, то это ведь главное, да?

– Да, я довольна, – но перед следующим вопросом я, за-

беспокоившись, осеклась. – Только вот... Как тебе кажется, как мама с папой отреагируют?

Я услышала ее вдох.

– *Этого* сказать не могу.

Разумеется, с чего бы ей знать. В отличие от меня Карен всегда делала то, чего от нее ждали. А всему, что делала я, было суждено разочаровывать родителей.

– Что такое? Неоплачиваемая стажировка? – Родители недоуменно смотрели на меня через обеденный стол.

Тем вечером было удушающе жарко, воздух неподвижно стоял между нами, и я пыталась подавить мое обычное раздражение – экономная мама никогда не включала кондиционер.

– Сильвия купит мне проездной на метро, – заявила я.

Маму это не впечатлило.

– Значит, она хочет, чтобы ты работала там полный день, а платить за это не хочет?

– Это называется опыт работы, – сказала я.

– Работа – это когда ты делаешь для кого-то работу, а тебе за это платят. Другого опыта тебе не надо.

– Я *столько* часов за столько лет в ресторане проработала, а даже минимальной зарплаты не получаю.

Я выложила свой первый козырь. У меня в голове почему-то промелькнуло воспоминание о кампании за минимальную зарплату в университете, когда студенты располо-

жились на лестнице главного здания, ратуя за работников университетской столовой и уборщиков.

– Это другое, – сказала мама. – Это дело семейное. К тому же ты живешь *с нами*. Минимальная зарплата тебе не нужна.

Я попробовала другой прием.

– Я с детского сада делаю домашние задания. За домашние задания мне не платят.

– Тоже другое. Это ты еще учишься, чтобы получить диплом и выйти на хорошую работу. На работу, за которую деньги платят. – Мама насупилась.

– Ну, это тоже учеба, – парировала я. – Только учат тому, как устроена киноиндустрия.

Мама прищурилась и неотчетливо, но явно осуждающе что-то проворчала. Я поняла, что в эту минуту она была настоящей карикатурой на гневного китайского родителя – с этим своим произношением, с этой суровостью. Внутренне я еще сильнее застыдилась, внешне – еще сильнее рассердилась.

– Вай Линь, – попытался урезонить ее папа, – это другой мир, тут американцы главные. Они дела по-своему делают, нельзя ожидать, что они тут же наймут Сару, если она с ними ни дня не проработала.

– А зачем тебе вообще что-то узнавать о киноиндустрии? – спросила мама. – Эстрадников навалом. Это не солидная работа.

Я хотела спросить: “Ты что, издеваешься?” Ты что, пропу-

стила все мое детство, когда я каждый год подряд смотрела вручение “Оскар”? Ты замечала книги о кино, которые я брала в библиотеке, стопкой лежавшие на журнальном столике? Что я записывала чуть ли не все фильмы, шедшие по телевизору, и аккуратно помечала каждую кассету?

Но я промолчала, а высказался папа.

– Вай Линь, у тебя все по старинке. Нынешние дети... Никто не хочет быть бухгалтером, хотят быть кинозвездами.

Это встревожило маму еще сильнее. Негодуя, она бросила палочки на стол.

– Ты хочешь быть кинозвездой? Мы тебя в Колумбийский университет отправили, чтобы ты была кинозвездой?

– Я *не хочу* быть на экране, – попыталась объяснить я.

– А что же ты тогда хочешь делать? Чему хочешь учиться на своей “стажировке”?

– Всему остальному, – ответила я. – Всему, что происходит за кадром. Как фильмы делаются. Как они превращаются из сценария в... в то, что видишь на экране.

Мама все равно качала головой, не понимая.

– Это не профессия.

– Нет, профессия, – ответила я. – В киноиндустрии заняты миллионы людей.

– Не та профессия, для которой я тебя растила.

Она громко выдохнула. На переносице у нее обозначились две морщинки – те, что всегда говорили о ее досаде.

Я подвинулась на стуле, оторвав ногу от пластикового чех-

ла, к которому она приклеилась из-за влажности.

– Слушай, – сказала я, – давай договоримся.

Так я вступила в переговоры с собственными родителями. Кто из нас этого не делал? Кто не сторговывался, лавируя между их правилами и своими желаниями? Это наша первая вылазка во взрослую жизнь, мелкими шажками – ближе к тому, чего мы хотим. Если нам как-то удастся обойти эту преграду, то иногда получается и замахнуться на отдельную жизнь, которую можно назвать своей собственной.

Вот я и вызвалась работать в ресторане каждые выходные, полный день в субботу и воскресенье, *а также* раз в две недели по вечерам в пятницу, три ближайших месяца. Никто не управлялся с посетителями лучше меня, и родители это знали. Обычно, если я там так много работала, то мне хотя бы что-то платили. Но на этот раз я была готова отказаться от половины этой полочки, чтобы наши расходы на персонал снизились.

– Дело не в прибыли ресторана, Сара, – сказал папа. – Дело в твоём будущем.

– Ну, речь-то идет всего лишь о трех ближайших месяцах моей жизни, – возразила я. – Это временное соглашение.

В то же время я буду по полной программе, с понедельника по пятницу стажироваться в “Фаерфлай филмс”. Узнаю что-то о киноиндустрии, посмотрю, нужна ли мне в самом деле такая карьера. Не придется искать человека, который подменял бы меня в ресторане по выходным, а может, и

доход вырастет. Через три месяца пересмотрим наши договоренности, сказала я, позаимствовав фразу, которую тем утром услышала от Сильвии.

Родители смотрели на меня в замешательстве, словно им пришлось торговаться с новым поставщиком. Этой фразы они раньше от меня не слышали. Я понимала, что им хотелось, чтобы я начала делать настоящую карьеру (врача, адвоката, бухгалтера, банкира, преподавателя), но понимала я и то, как нужна в ресторане по выходным. Я уже училась у Сильвии. Сделай предложение, от которого не смогут отказаться.

Глава 5

– И каково это было – наконец-то работать в кино?

Сперва вяловато – я да Сильвия в этом необъятном индустриальном офисе. Но сложа руки мы не сидели. И года не прошло, как все завертелось.

Избавлю вас от подробностей. Мало кому есть дело до тягот жизни маленькой независимой продюсерской компании. Таких честолюбивых контор на планете сотни, и истории о том, как они возникают, развиваются и, как правило, умирают, интересны только тем, кто имеет к этому отношение.

Я без остатка посвятила себя компании; каждый ее маленький успех, каждый шаг вперед я ощущала как свой собственный. Да, в эти первые несколько месяцев я не получала зарплаты, а когда спросила Сильвию, не заключить ли нам что-то вроде договора, она замяла тему, словно это была пустая формальность. Главное – сама работа и справляюсь ли я. Я вовсю показывала, что всю душу вкладываю в возложенные на меня обязанности: отвечать на звонки, помнить, с кем у “Фаерфлая” дела, даже запирать и отпирать офис, – после того как через несколько недель стажировки мне вручили ключи. Я хотела участвовать в чуде создания фильма. И через эти простые, обыденные поручения я надеялась хоть чуть-чуть приблизиться к изучению этого волшебства.

Я жадно впитывала весь этот опыт, словно губка, по-

павшая в безбрежный океан. В мой первый день в “Фаер-флае” мне было поручено разобрать все сценарии, присланные Сильвии разными агентствами, написать черным маркером на срезе каждого сценария его название и разложить их по полкам так, чтобы названия были видны.

Я упивалась тем, что это – настоящие киносценарии, присланные большими, блестящими агентствами из своих сияющих стеклянных башен. Слова, которые однажды могут превратиться в движущиеся образы, проецируемые на экран на кинофестивале “Трайбека”, в канзасском мультиплексе, в далеком торговом центре в Японии, чтобы выжимать из толпы посторонних людей смех, слезы, адреналин.

Меня подмывало днями напролет читать сценарии, но, к сожалению, в мои обязанности это не входило. Большинство этих сценариев, сложенных стопками и надписанных, были просто “шлаком”, присланным нам агентами или авторами в надежде, что мы ненароком их посмотрим и найдем в них какие-нибудь достоинства.

Нет, поначалу я была нужна для чисто административной работы. Разбирать, раскладывать, вести записи. Распечатывать сценарии, переплетать их и надписывать. Едва ли для этого требовалось образование Лиги плюща или даже просто университетский диплом. Я могла бы заниматься этим сразу после школы. Но я читала сценарии в обеденный перерыв или брала вечерами по несколько штук и читала в экспрес-се, возвращаясь во Флашинг. И через несколько месяцев я

прочла почти все сценарии, что были в офисе, весь “шлак”. Большинство из них, как я поняла, не привлекли внимания потому, что были не очень хороши.

Существенные сценарии Сильвия упоминала после разговора с агентом или другим продюсером. Она пересылала мне письмо с характерно кратким указанием (“Пжлст распечатай и переплети мне, прочту”) – и я понимала, что в этом сценарии есть что-то такое, к чему нужно отнестись серьезно.

Как-то раз я совершила ошибку: сказала Сильвии, что прочла один сценарий. Она отбрила меня, резко и зло:

– Я не *говорила*, что тебе можно читать этот сценарий. Это конфиденциальное.

– Ох, простите.

Я была ошеломлена, не поняла, что сделала не так. Очевидно же, что если я распечатаю и переплетаю сценарий, то имею возможность его прочесть. Где логика? Но после этого я помалкивала. Я все равно читала поступавшие к нам сценарии, только Сильвии об этом не говорила.

Вот в чем хитрость работы помощником. Нужно признавать границы своих обязанностей. Ты несешь ответственность за то-се, пятое-десятое, но явно выходить за эти рамки нельзя, как бы тебя ни распирало от усердия. И никогда нельзя раздражать начальника.

Примерно тогда же я прочла книгу о том, как работать помощником в Голливуде, и первое правило там было такое: незаметно сделать так, чтобы без тебя не могли обойтись.

Как только твой начальник понимает, что он без тебя как без рук, тебе достается работа поинтереснее.

И вот однажды, после того как я каждую неделю сидела у Сильвии в офисе по сорок часов, отвечала на звонки, разбирала ее бумаги и ее онлайн-базу данных, встречала разных людей, приходящих на деловой обед, – после того как я заслужила ее доверие, после того как она заметила, что я могу пригодиться не только для простой административной работы, она попросила меня взглянуть на один сценарий. Он только что пришел от агента Зандера Шульца, и Сильвия обычным порядком потребовала распечатать его и переплести.

Сильвия часто поминала Зандера в разговорах. Мне стало любопытно, что за сценарий.

– Можно прочесть? – тихо спросила я.

Как ни в чем ни бывало Сильвия ответила:

– Читай, конечно. Скажи, что думаешь.

Наутро у меня были две страницы напечатанных заметок о сценарии, которые я прилежно писала в ночи на ноутбуке. Сейчас мы, все на своем виду повывавшие профи, можем посмеяться на тем, как я тогда выслуживалась. Но это не было ради того, чтобы произвести впечатление на начальницу или снискать ее расположение. Для меня это было ради чего-то большего. Дело было в любви к ремеслу, в страстном желании ему научиться, в желании внести какой-то свой весомый вклад и получить за это признание.

– Я думаю, что большинством из нас оно-то в конце концов и движет, нет?

Задавая этот риторический вопрос, я вскользь гляжу на Тома Галлагера. Но никакой приметной реакции не следует – лишь быстрый кивок.

Три месяца спустя я делала кое-что поинтереснее. Мне все равно приходилось заниматься всякой бюрократией – скучными мелочами, от которых хотелось выть с тоски (сортировкой чеков Сильвии, объяснениями по их поводу с бухгалтерией). Но в дополнение к заметкам о сценариях мне разрешили выступать с идеями насчет подбора актеров, разведывать перспективы финансирования, начерно составлять письма агентам и потенциальным сопродюсерам.

И, наконец, я получала что-то вроде зарплаты. На жизнь ее бы не хватало, реши я съехать с родительской квартиры во Флашинге. Но ее хватало на то, чтобы родители не в полный голос выражали недовольство моим выбором карьеры. Под конец года мне удалось отвлечь ту драматическую беседу по душам, которую они, возможно, замыслили. Мы с Карен вздохнули с облегчением. Еще мне разрешили больше не работать в ресторане, не считая эпизодических смен по выходным.

Меж тем Сильвия удивила меня щедрым подарком: годовым членством в Кинообществе Линкольн-центра и столларовым подарочным сертификатом магазина “Сакс” на Пя-

той авеню – магазина, в котором я не раз оказывалась, но никогда ничего не покупала по причине ужасающих цен.

Купи что-нибудь симпатичное на зиму! Написала на сопроводительной открытке Сильвия своим изящным наклонным почерком.

Потрясенная этой неожиданной благотворительностью, я дождалась послерождественских скидок и купила роскошный кашемировый шарф – ручная работа, крупное золотое плетение, – получавший комплименты везде, куда я в нем приходила. Я до сих пор его ношу.

Родителей впечатлила щедрость Сильвии. Я не сказала им, что видела финансовый отчет нашей компании: мои рождественские подарки записали в издержки.

Еще я была приглашена к Сильвии на ежегодный праздничный фуршет, состоявшийся холодным декабрьским вечером в ее доме в Верхнем Ист-Сайде. Я помогала ей составить список гостей и разослать около сотни приглашений при содействии ее десятилетней дочери Рейчел, которая радостно лизала и заклеивала конверты, сидя рядом со мной и болтая о последних прочитанных ею книгах. В составе гостей перемешались друзья Сильвии, ее знакомые, а также приятели из числа тех, с кем она вела дела: режиссеры и продюсеры, высокопоставленные рекламщики, актеры, пресс-агенты, фотографы, продакт-менеджеры. Познакомившись с этими профессионалами лично, я поразилась тому, как легко мне оказалось с ними говорить, как плавно текла беседа

– особенно после того, как я выпила третий стакан ромового пунша.

– Вы, значит, правая рука Сильвии. Колумбийский университет заканчивали, верно? – спрашивали разные люди.

Я кивала с некоторой гордостью. Одно то, что я работала с Сильвией, утверждало меня в качестве человека, к мнению которого стоит прислушаться.

В толпе я мельком увидела Зандера Шульца, модного режиссера и фотографа, чьи рекламные ролики и музыкальные клипы Сильвия продюсировала последние несколько лет. Большую часть осени он пребывал в затяжном отпуске, совмещенном с несколькими фэшн-съемками на Бали, в Австралии и на островах Фиджи. Но вот он вернулся и был готов вплотную заняться сценарием, над которым работал.

Тем вечером он разок взглянул в мою сторону. Не думаю, что я ему запомнилась.

В наступившем году я впервые повстречалась с Зандером по-настоящему. До тех пор я часто слышала, как Сильвия поет дифирамбы его “поразительному визуальному стилю” и “интуиции рассказчика”. Я видела все, что он снял, читала сценарий, который он написал и по которому надеялся делать фильм, а Сильвия была бы продюсером. Сценарий был неплохой. Вполне захватывающий, но ничего выдающегося. Это мнение я оставила при себе.

Не знаю, чего я ожидала, но, когда Зандер вошел в наш

пещерообразный офис, он показался мне обычным белым мужиком тридцати с лишним лет, не особенно высоким или приметным. Дорогие темные очки сидели на узком лбе. И все же это был первый режиссер, которого я наблюдала дольше пятнадцати минут, так что некий трепет я ощущала. Уж конечно, такие талант и успешность должны время от времени проглядывать – не все же время им скрываться из виду.

– Это тот Зандер Шульц, который потом получил “Золотой глобус” за...

– Да, тот самый.

Огрызаюсь: вдруг зло берет. Меня коробит одна мысль о Зандере с его “Золотым глобусом”.

– Я до этого дойду.

Том Галлагер поднимает брови и быстро пишет что-то в блокноте – возможно, отмечает мою вспышку.

Я велю себе успокоиться.

– Каково было с ним работать? – спрашивает Том.

Я слегка уклоняюсь от этого вопроса.

– У него было очень ясное представление о том, как все должно быть. И он не очень-то следовал советам и предложениям, которые этому противоречили.

Я замолкаю.

– Погодите. Дайте-ка я вам расскажу немного о режиссерах.

Это лекция, которую я всегда хотела прочесть своим студентам, но не делала этого из соображений благопристойно-

сти.

Какой у нас в голове стереотип режиссера? Вспыльчивый, зато наделенный особым видением мужчина в черном берете, кричащий: “Стоп! Снято!”

В действительности же на нем, скорее всего, окажется бейсболка, а снимает второй режиссер, но не будем пускаться в детали. Такое впечатление, что режиссеры-мужчины обладают исключительным правом быть вредными и требовательными, потому что от них этого ждут. (Случая поработать с женщиной-режиссером мне не представлялось, и это отдельная тема.)

Но спроси американскую публику, почему она идет на тот или иной фильм, и выяснится, что обычно не ради режиссера (если это не кто-то вроде Спилберга). Идет ради звезд: этих знакомых фотогеничных лиц на афише или в трейлере. Поэтому режиссеры, конечно, – это “художественный взгляд” и творческие силы, создающие фильм, но они зависят от известных актеров, без которых их фильмов не посмотрят. И, разумеется, имеет место зависть, когда актерам достаются все рекламные фотосъемки на красной ковровой дорожке, приглашения на ток-шоу, журнальные развороты.

Кинопроизводство работает на сложных миазмах самолюбий. Ведь режиссеры также сильно зависят от инвесторов, которые финансируют производство их фильмов (но инвесторы будут в этом заинтересованы лишь в том случае, если снимается кто-нибудь знаменитый). Частные же инвесторы

– это особый вид. До искусства кинопроизводства им обычно дела мало, но они неплохо заработали, годами занимаясь, скажем, недвижимостью или ценными бумагами, и теперь воображают себя большими людьми в этой манкой, роскошной индустрии.

Теперь берем это месиво самолюбий и добавляем туда продюсера... Ну, продюсер – это человек, *по-настоящему* ответственный за появление фильма на свет. Но до продюсера никому никогда нет дела. Мы – те безымянные сущности, что выходят из толпы лишь для того, чтобы раз в году получить “Оскара” за лучший фильм, а затем исчезают снова. *Никто* не идет смотреть фильм ради того, кто этот фильм продюсировал.

Вот и возникает напряжение: кто чье самолюбие тешит, кто считает себя более всего ответственным за успех фильма и кто получает признание за свой вклад. Полный бардак.

– А что стажеры с ассистентами? – спрашивает Том Галлагер.

Этим самолюбия не полагается. Мы там на последнем месте. Беречь нас никто не будет.

Но ничего из этого я не знала, когда тем днем впервые наблюдала Зандера Шульца у нас в офисе. Он развалился на диване и рассуждал о потенциальных инвесторах и актерах для своего фильма под названием “Твердая холодная синева”. Зандер сидел спокойно, в полном телесном благополу-

чии, почти не шевелясь, как будто не желал тратить силы на мелкие, необязательные движения. В мою сторону он не взглянул ни разу, разговаривал только с Сильвией.

– Я тут на днях завел речь о фильме с агентом Хоакина Феникса...

– Зандер, все по порядку, – заговорила Сильвия. – Мы еще не до конца с финансированием разобрались, об исполнителях думать рано.

– Ну так разберись, – твердо сказал Зандер. И все: одно-единственное распоряжение.

Повисло молчание; я знай раскладывала бумаги, делая вид, будто не слушаю. До того момента за несколько месяцев в “Фаерфлае” я видела, что люди на встречах держатся с Сильвией не иначе как любезно, а то и почтительно. Ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь давал команду *ей*, брал ее в оборот.

– Зандер, я так не смогу. – Сильвия была непреклонна. – Ты знаешь, как это делается. Встречи, встречи, встречи – а толку от этих встреч больше, если на них присутствуешь ты. Поскольку именно ты собираешься этот фильм снимать.

В ее голосе зазвучала едва различимая нотка недовольства.

– Я знаю, – сказал Зандер. Прозвучало это так, словно смысл сказанного Сильвией он пропустил мимо ушей.

Во время этого обмена репликами я подняла на них глаза. Зандер заметил, что я на него смотрю, и его взгляд стал изу-

чающим. Потом он, и бровью не поведя, повернулся к Сильвии.

– И сколько, ты думаешь, это займет?

– Понятия не имею, такие вещи непредсказуемы... – начала Сильвия.

– Ну, всю жизнь я ждать не могу, меня эти клипы просят снимать, а еще галерея эта капает на мозги насчет возможной выставки.

– Тебе *придется* найти время для встреч, если ты хочешь, чтобы с фильмом что-нибудь вышло, – тут Сильвия, которая была старше Зандера на двадцать лет, взяла материнский и в то же время наставительный тон.

– А не *твое* ли это дело? И Андреа?

Андреа была агентом Зандера и занимала большой светлый офис несколькими кварталами дальше от центра.

– Если ты хочешь, чтобы вписалась Андреа, тебе нужно им подыграть. Прояви интерес к какому-нибудь другому проекту, с которым они носятся. Ты прочел сценарии, которые она тебе давала?

Зандер ответил не сразу. Он проглотил свой кофе. Снова осмотрел комнату и остановил взгляд на мне.

– Привет, – сказал он, повысив голос.

– Это Сара, – напомнила ему Сильвия. – Она тут с лета работает.

– Привет, Сара.

Я подняла голову, удивленная тем, что ко мне обратились.

Чувствовала, что щеки у меня горят – отчего? Оттого, что меня за человека признали?

– Здрасьте, – сказала я нерешительно.

– Читала эти сценарии? – Зандер указал на три сценария, которые Сильвия перед ним положила. “Время закрытия”. “Серьезные меры”. “Скрытый оттенок злости”.

Я взглянула на Сильвию, не зная, стоит ли объявлять, сколько сценариев я читала. Но она тоже ждала моего ответа – не без любопытства.

– Да, на прошлой неделе прочла, – сказала я.

Зандер поднял брови, как будто был впечатлен, посмотрел на Сильвию.

– Ого, – сказал он мне. – Ты, наверное, очень читать любишь?

Не знаю, что он имел в виду. Что я китаянка, следовательно, ботаник, следовательно, много читаю? Или просто что... я люблю читать?

А это, разумеется, правда.

– Ну да, – ответила я.

– Они лучше моего сценария? – спросил он.

Меня поразило, что он спросил меня об этом напрямую. Был ли это риторический вопрос? Положа руку на сердце, его сценарий, “Твердая холодная синева”, был довольно увлекательным, но ничем не более примечательным, чем три им упомянутых. Но говорить ему этого я не собиралась. К тому же я читала сценарии всего несколько месяцев. У меня

не было уверенности, что мое мнение на этом этапе много значит.

– Нет, – соврала я. – Ваш мне кажется более оригинальным.

Зандер довольно кивнул:

– Хороший ответ. Видишь? – Он повернулся к Сильвии. – Не буду я снимать по чужому сценарию. Только по своему. Так что давай, ищи финансирование. Потому что тратить свое время на его поиски я больше не хочу.

Лицо Сильвии было непроницаемой маской.

– Но ты же хотя бы *прочтешь* три этих сценария, да? Нам надо показать твоему агентству, что мы готовы к сотрудничеству.

Зандер, кажется, ее вопрос проигнорировал.

– Эй, Сандра, – он щелкнул в мою сторону пальцами; его лицо озарила новая идея. – Тебя же так зовут, да?

– Сара, – поправила я.

– Сара, какой у тебя любимый фильм Полански? – осведомился он, вдруг посерьезнев.

На секунду я запаниковала. Но вообще-то ответ был очевиден.

– М-м, “Отвращение”, – выпалила я.

Зандер ослабился. Я впервые увидела, как он улыбается.

– Недурной выбор.

Щелкнул снова.

– А Кубрика любимый?

Фильмография Кубрика пронеслась у меня перед глазами, все такое разное – кажется, невозможно выбрать.

– “Тропы славы”, – сказала я наконец.

Зандер отреагировал удивленно.

– Ух ты, глядите-ка. Пуристка.

– А вы что думали, “Космическую одиссею” назову? – саркастически спросила я.

– “Космическую одиссею” только дилетанты называют. – Зандер подмигнул мне. Я внутренне засияла; проверку я, похоже, прошла.

– Сара, у тебя будет время сегодня вечером написать на эти три сценария короткий отзыв?

От потрясения у меня глаза полезли на лоб. Он просит меня отрецензировать эти сценарии для него? *Вместо* него?

– М-м, как бы да, – беспомощно промямлила я. Придется еще раз пройтись по сценариям – а это часа два, – прежде чем начинать писать... Засижусь за полночь, даже если начну в поезде по пути домой.

– Можно будет получить комментарии к ним завтра утром?

– М-мм... – Я была олененком в свете фар, не понимала, что сулит мне ослепительное сияние передо мной: переход на высший уровень бытия или кровавую, мучительную гибель.

Я взглянула на Сильвию, а та сердито посмотрела на Зандера.

– Да что ж такое, Зандер. Ты *настолько* обленился?

– Я не ленюсь. Я просто... действую практично. Я не хочу снимать по этим сценариям, а Сара хочет учиться. Это ведь чистая формальность, так? От того, что я их прочту, никому ни горячо, ни холодно.

– Да, но Сара – не ты.

– Ну, понятное дело, – Зандер ухмыльнулся этой очевидности. – Но *ты* ведь на ее заметки полагаешься, да?

– Конечно... – Взгляд Сильвии смягчился и нашел меня. К тому времени она регулярно просила меня рецензировать приходившие к нам сценарии. – У Сары со сценариями ладится.

– А за что же мы ей тогда платим, как не за то, чтобы для меня сценарии читать? – закончил свою мысль Зандер.

Потом тихонько добавил:

– Мы же ей *платим*, правда?

Эти слова меня больше позабавили, чем задели. Я подавала голос.

– Я справлюсь, – громко сказала я. – И да, мне платят.

Они разом повернули ко мне головы; брови у них были подняты высоко, как у марионеток. На лице Сильвии – облегчение.

– Я смогу прочесть три сценария, – заверила их я. – И о каждом сделать заметки. С удовольствием.

– Уверена? – спросила Сильвия. Ни в моих способностях, ни в моей готовности она не сомневалась. Беспокойство в

ее голосе было связано с другим – с едва заметным сдвигом взаимодействия, с шажком из-под задуманного ею контроля.

Я пожала плечами.

– Да вы же меня знаете. Люблю сценарии читать.

Зандер просиял от своей находчивости.

– Ну надо же. Вот умница.

Я часто слышала, как он говорит женщинам эти слова, сыпет ими, словно выдавшими виды монетами. Но по-своему они действовали. Мотнув в мою сторону головой, он одобрительно посмотрел на Сильвию.

– Я смотрю, она ко двору пришлась.

Вот так вот я и познакомилась с Зандером Шульцем.

Глава 6

Я действительно пришлась ко двору, и Зандер вскоре это понял. Разумеется, я не была похожа на женщин, к которым он привык. Шли месяцы, и я часто видела его с какой-нибудь очень хорошенькой, стройной девушкой, иногда с моделью. Чертам моего лица не хватало изящества, я не делала безупречного макияжа, не носила дизайнерских нарядов. Я никогда не придавала своему тощему телу определенных положений в его присутствии, не ворковала в ответ на его реплики, не смеялась в ту же секунду его шуткам. И на Сильвию с Андреа, его агентом, я тоже похоже не была; они были старше меня, твердые, деловые, они осыпали его комплиментами, но не боялись попрекнуть самолюбием – и все это опять же с одной-единственной целью: возвысить пьедестал, на котором Зандер стоял и так.

Я была молодая, но не глупая. Это было ясно. И Зандер постепенно начал ценить мое мнение о сценариях, хотя никогда мне этого прямо не говорил.

В Зандере Шульце было что-то едва ли не рептильное. Последив за ним некоторое время, ты понимал, что он практически не двигается, разве что изредка, по необходимости опускает-поднимает тяжелые веки. Он мог хранить бесстрастное выражение лица, почти не проявлять эмоций, наблюдая тебя и окружающее помещение. А затем – как яще-

рица, вдруг срывающаяся с места, – он оживлялся, его лицо расплывалось в обезоруживающей улыбке, и это мастерски рассчитанное включение харизмы располагало тебя к нему. У него было острое и занятное чувство юмора – когда он хотел им воспользоваться. И зачастую он делал это с большим успехом, покоряя инвесторов, актеров, агентов, которым хотел внушить свое художественное видение. Но точно так же он мог безмолвно сидеть в углу, мало участвуя в разговоре, пока ты пахал, чтобы для него все стало возможно.

Чем дольше я работала с Зандером, тем больше наперекор самой себе уважала его целеустремленность, то насквозь прожигающее рвение, с которым он стремился перенести свое – и ничье больше – видение на экран. Вне зависимости от того, с обаятельным, бодрым Зандером ты сталкивался или с молчаливой, мрачной его ипостасью, поведение его всегда казалось тактическим, обусловленным тем, достаточно ли ты важен, чтобы расходовать на тебя энергию.

Но за этим цепким взглядом работал ум, помнивший каждый план в каждом фильме Полански и Пекинпа, каждую монтажную причуду Николаса Роуга. Насмотрен он был невероятно. Казалось, что он постоянно представляет себе, как в том или ином пространстве могла бы двигаться камера – запечатлеть его, превращать в нечто динамичное, привлекающее внимание зрителя.

Возможно, он так же смотрел на людей и ситуации, придумывал, как бы их повернуть для оптимального использова-

ния. Я подозревала, что когда он занимался сексом со своей подругой-супермоделью, половина его мозга все равно была занята мыслями о том, как бы наилучшим образом поместить ее голое тело в план съемки, – единственный способ удовлетворить его кинематографический взгляд.

Но на первом месте всегда была *его* точка зрения: его вообразимая камера управлялась со светом и ракурсами так, чтобы ты увидел мир таким, каким он хотел тебе его показать. Это, наверное, было поведение человека, как минимум лет двадцать потратившего на то, чтобы стать кинорежиссером. Знавшего, что однажды воссядет на это легендарное кресло с тканевой спинкой и будет распоряжаться всем производственным процессом одним кивком головы.

Зандер часто просил меня прочесть сценарий, и я хваталась за эту возможность. От таких предложений в киноиндустрии не отказываются. Если пытаешься в этом мире пробиться, то никогда нельзя говорить “нет”. Всегда нужно говорить “да”.

Видите, как рано для нас расставляют ловушки.

Зандер знал свои профессиональные слабые места – хоть и никогда никому их не называл. При всем своем визуальном таланте он, возможно, подозревал, что не умеет писать об эмоциях и отношениях. Персонажи у него, как правило, были двухмерные, ничего интересного сказать не могли. В особенности это относилось к женским персонажам, которые в

первых его сценариях фигурировали исключительно в качестве пассий. Они неизменно характеризовались как “чуть за двадцать, красивая” и в динамичных сценах бешено скакали практически нагишом.

Его первые сценарии мало кто читал, но я обнаружила файл под названием “сценарии Зандера”, сохраненный на пузыреобразном, полупрозрачном “Маке”, который я унаследовала от Сильвии. Когда я открыла файл, увидела дату и имя на титулах, то поняла, что это ранние опыты Зандера в сценарном деле.

Прочитав их, я поняла, почему эти сценарии никогда не поминаются. Они были, попросту говоря, очень неоригинальными. Меня озадачил зазор между его исключительной самоуверенностью и их неважным качеством.

В сценарном деле он с тех пор изрядно поднаторел, но все равно был далек от совершенства.

Просекла я это, впервые прочитав первый вариант “Твердой холодной синевы”, который я распечатала заодно с резюме нашей компании и биографической справкой о Зандере, чтобы приобщить к подборке снятых им шоурилов на VHS. Такие презентационные комплекты мы уже несколько месяцев рассылали по инвесторам – без особого успеха.

– Не пойму, – как-то днем проворчал Зандер. – Все вроде как в восторге – а потом находят повод слиться. *Ох, это не для нас.* Как думаешь, они вообще сценарий читали?

Да ладно, Зандер, подумала я. А то ты сам всегда чита-

ешь сценарии, которые должен прочесть.

Сильвия пристроила свои безобразные очки на макушке, постучала бордовым ногтем указательного пальца по губе.

– Ну, может, синопсис стоит слегка переделать.

Она посмотрела на меня.

– Сара, что ты думаешь о синопсисе сценария Зандера? Думаешь, он вполне передает историю?

– Он немного... – Я искала нужное слово. Не хотела обижать того, кто этот синопсис написал, – вдруг это был кто-то из них. Шаблонный? Бесцветный? Как если бы речь шла о последней заявке на видеоигру от “Сеги дженезис”?

– Не получился он, да? – спросил Зандер.

– Наверное, его можно было бы переписать, – дипломатично предположила я.

– Хочешь попробовать переработать синопсис? – спросила Сильвия.

– Я? – спросила я для верности. Я была очень рада этому случаю, но не хотела уж слишком проявлять энтузиазм. К тому же в свои двадцать два я не была уверена, что сумею улучшить уже написанное.

– Зандер, ты не будешь против, если Сара попробует переписать? Синопсис? – спросила Сильвия своим самым сладким голосом.

Он пожал плечами и, скучая, едва взглянул на нас.

– Да пожалуйста.

Синописис нужен для того, чтобы втянуть инвесторов, агентов, актеров, воротил киноиндустрии в чтение сценария. Писать их – целое искусство, такое же, как искусство сочинения придурковатых слоганов, которые видишь на киноафишах. (*Один человек. Одна миссия. Один срок, к которому невозможно успеть.*)

Штука в том, что если у тебя получается по-настоящему клевый синописис, а сценарий не оправдывает ожиданий... тогда имеем разочарованных читателей. И воротил, которые решают все-таки не финансировать твой фильм.

Так что моя переработка синописиса (оказавшаяся удачной) как-то превратилась в переработку самого сценария. Правда, на то, чтобы открыть файл в “Файнал драфт”, стереть строки Зандера и вписать свои собственные, я не вошла. Такое вмешательство разъярило бы любого режиссера, не говоря уже о цаце вроде Зандера.

Но, следуя гордой традиции непризнанных редакторов сценариев, я написала подробные заметки, десятистраничные декларации о том, как сценарий можно было бы улучшить, предложения, хитро завуалированные лестными словами о том, что меня впечатлило, что арка персонажа и сюжетная линия могли бы стать еще лучше, если только внести эти *незначительные* изменения.

По правде сказать, это не были незначительные изменения. Это были очень существенные перемены в повествовании, предполагающие более мрачный, более реалистиче-

ский конфликт, укорененный в испорченности и равнодушии общества. Возможно, с моей стороны было слишком смело предлагать такое Зандеру. Нажимая в письме Сильвии “отправить”, я корчилась от дурных предчувствий.

– Давай-ка я сначала взгляну на твои заметки, – до того сказала она. – Ты же знаешь Зандера. Он может очень трепетно относиться к своей работе, даже если сам никогда этого не скажет.

Так что сначала была проверка Сильвией. Что, если бы они ее возмутили? Если бы она позвонила мне в слепой ярости, чтобы обвинить в ненужной жестокости к ее фавориту – или, еще того хуже, в непроницательности, в неспособности толком оценить хороший сценарий?

На следующее утро я маялась в офисе, пытаюсь заниматься делом, – прикрепляла степлером к чистым листам новые чеки Сильвии, раскладывала новопришедшие резюме и шоурилы. Покончив с этим, я пролистала каталог офисных принадлежностей и начала заказывать дополнительные картриджи для принтера, переплеты для сценариев, пачки бумаги. Ах, чувство безопасности, обретающееся в таких банальных вещах. И зачем метить куда-то выше?

Когда Сильвия влетела в дверь, вид у нее был таинственный – учительница, собирающаяся ошарашить своих обеспокоенных учеников контрольной.

Она побывала в кофейне на углу и принесла не один, а два картонных стакана, уравновесив их своей сумкой “Малбери”

сливового цвета. Я решила, что это означает скорое появление Зандера, и сердце у меня упало. Но, к моему удивлению, один стакан, от которого шел пар, Сильвия поставила передо мной.

– Тебе двойной капучино, да? – спросила она.

Я была потрясена.

– А-а... да.

Я подумала, что о моей непереносимости лактозы она забыла, но спросить, на соевом ли он молоке, не рискнула.

Она откинулась на несуразном оранжевом диване, и на ее лице появилась широкая припомаженная улыбка.

– Сара...

Встревоженная, я посмотрела на нее.

Сильвия рубанула рукой в мою сторону.

– Должна тебе сказать: твои заметки о сценарии великолепны.

Я так и уставилась на Сильвию, не веря.

– Правда?

– Да хватит уже скромничать. Будь в Зандере хоть капля твоей скромности, с ним было бы гораздо легче работать.

Я ничего не сказала, только спрятала улыбку за глотком вспененного молока.

– Эти заметки – именно то, что ему нужно. Они очень точны, они очень хорошо написаны, убедительны. Теперь надо сделать так, чтобы он их воспринял.

– Как вы думаете, получится?

– Ну, Зандер к двенадцати зайдет. Я ему эти заметки растолкую. Так что, наверное, будет хорошо, если ты в это время сбегаешь по каким-нибудь делам. Сходи еще кофе выпей, например.

Была ранняя весна, и, пока мои заметки о сценарии либо поливали грязью, либо нахваливали в офисе, я получала редкое удовольствие, бродя по улицам Челси, подставив солнцу лицо. Я видела, как сквозь землю на клумбах вокруг деревьев пробиваются молодые цветочные побеги, – и думала, может ли это быть началом чего-то более существенного в моих рабочих буднях в компании. Что, если я стану в компании тем человеком, к которому обращаются, если надо поправить сценарий, и что, если однажды я сама напишу сценарий, который там прочтут и будут продвигать? Я читала об этом в той же книге о том, как работать помощником. Сделайся незаменимой, освой какое-нибудь дело, и после этого... возможно, у тебя получится как бы между прочим положить на стол написанный в свободное время сценарий.

Но сценария я еще не породила. Самая свобода письма, чистый лист в его природе слишком меня угнетали. Каждый день я упиралась в целую стену малопримечательных сценариев; меня буквально преследовал призрак посредственности.

Тогда я ничего не могла придумать, но, стоя на Семнадцатой улице между Восьмой и Девятой, сказала себе, что одна-

жды придумаю.

А вдруг по прошествии пятнадцати лет я применяю к тому моменту своей жизни какой-то прихорашивающий фильтр? Возможно, столь ясных целей у меня тогда не было. Когда тебе двадцать с чем-то, ты блуждаешь в потемках, думаешь, что в нужный момент мир чудесным образом прояснится, словно расступится густая чаща, являя тебе истинный путь. Но обычно такого озарения не происходит. Приходится прорываться, набивая шишки и сбиваясь с дороги.

Сильвия, верная своему слову, убедила Зандера поработать с моими заметками, и днем мы втроем посидели, пообсуждали планы на сценарий. Переработать персонажи, ввести правдоподобный новый конфликт, укорененный в социальной проблематике, чтобы обособить этот проект от прочей, более стандартной остросюжетной продукции.

Еще несколько раз делая заметки и переписывая, я все время отмечала, что нужны значительные женские персонажи. Впоследствии я вселила в Зандера мысль о том, что ему нужен стильный триллер с женщиной в главной роли, и мне хочется считать это небольшим вкладом в его следующий фильм, “Яростная”.

Он, разумеется, так и не соизволил этого признать.

С новой редакцией “Твердой холодной синевы” мы начали вызывать значительный интерес у продюсеров и в течение следующего года перешли к предпроизводству первого полнометражного художественного фильма Зандера.

– Хорошо ты сценарий обрабатываешь, – сказал как-то Зандер, прочтя очередной набор моих заметок. Из всего, что он говорил, на благодарность в мой адрес это было похоже больше всего.

Сильвия спросила, не успела ли я подумать о том, чем хочу заниматься в киноиндустрии. Я сказала, что мне нравится работать со сценариями, но хотелось бы поучиться продюсированию. Тогда это была правда: меня определенно привлекала роль человека во главе всего этого дела, который движет проект вперед. Тут была тонкая грань между лестью (так как она сама была продюсером) и ослаблением всякого ощущения угрозы (так как я не хотела, чтобы она решила, будто я нацелилась на ее место). Что в любом случае было невозможно, поскольку компанией владела она.

– А как тебе кажется, продюсирование – это вообще что? – спросила она. – Не описывай весь процесс кинопроизводства, так, в нескольких словах.

– Умение все устроить? – предположила я.

Сильвия кивнула.

– Но все сразу не устраивается. Сначала нужно обрести связями и выпестовать проекты. Потом – увидеть удобный случай. А как придет время, вспомни, чего ты стоишь. И торгуйся.

Я все это запомнила и сказала себе, что смогу этому научиться.

– Что же, – сказала Сильвия, – тогда не прощаемся. Мне

кажется, ты можешь очень далеко пойти. А через несколько лет, глядишь, возглавила бы здесь отдел развития.

Одна эта фраза, которой меня одарили, словно тонкой, сухой гостией, питала меня все последующие годы, когда я тащила на себе кучу дел разом и получала за это смешные деньги.

Попросить чего-то еще мне и в голову не пришло. И как-то официально отразить мою работу со сценарием Зандера я тоже не попросила. Тогда я была благодарна уже за то, что меня взяли в команду.

Глава 7

– А можно забежать вперед?

Так, почему я спрашиваю? Это моя история.

Будь это фильм, сейчас на экране появился бы титр: “Четыре года спустя”.

Прошло четыре года, и “Твердая холодная синева” совсем скоро должна была выйти на экраны. У нас в “Фаерфлае” установились удобные треугольные отношения: Зандер с Сильвией сверху, я снизу. Следуя примеру Сильвии, я постигала искусство заводить связи и торговаться; и то и другое возможно лишь в том случае, если ты излучаешь достаточно уверенности. Ее я тоже набиралась. О моей репутации сценарных дел мастерицы постепенно узнавали в нью-йоркских киношных кругах – отчасти благодаря похвалам Сильвии. Если бы я захотела, то могла бы воспользоваться этим, чтобы познакомиться с другими продюсерами, воротилами киноиндустрии, “обрасти связями”. Как обычно, вовремя мне этого в голову не пришло.

Вместо этого я дневала и ночевала в “Фаерфлае”, подстраховывая Зандера с Сильвией везде, где было нужно: готовила рекламные комплекты, проверяла с нашим адвокатом договоры, подыскивала агентов по продажам и прокатчиков. К тому времени я также заведовала офисом – надзирала за ме-

нявшимися составом наших стажеров, приходивших работать бесплатно. К счастью, сама я уже получала пристойную зарплату. Ничто в сравнении с тем, что получали мои университетские друзья, ушедшие в мир корпораций или только-только кончившие юридический или медицинский факультеты. Меня все равно клонило к тому, чтобы заказывать самое дешевое блюдо из меню любого ресторана, но я зарабатывала достаточно, чтобы съехать от родителей и снять трехкомнатную квартиру в Уильямсбурге на двоих с подругой подруги. Я наконец-то чувствовала себя взрослой.

Тогда мне было под тридцать. Я встречалась с несколькими парнями, но длительных отношений не было. Карен же годом раньше вышла замуж за своего давнего возлюбленного и теперь ждала ребенка. (Как всегда, полностью оправдывая ожидания родителей.) Но для меня романы – и все, что им сопутствовало, – не были на первом месте, потому что я душой и телом принадлежала работе. Мужчины казались несравненно менее интересными, чем фильмы, и непредсказуемый процесс заигрывания, пробуждения с кем-то рядом, посылания смс, возможно – неполучения ответа, зачастую радовал меньше, чем удовольствие от просмотра хорошего фильма. Вместо этого я воображала долгую и волнующую карьеру кинопродюсера. Никакой другой арки персонажа мне от жизни не требовалось.

К тому же на работе бывало весело. Иногда Сильвия просила меня поработать у нее дома, где она неизменно отку-

поривала под вечер бутылку превосходного красного вина, а трое ее детей (Нейтан, Рейчел и Джейкоб) часто бывали дружелюбны и любознательны. Я видела, как Рейчел с годами вырастает из резвой десятилетки в хмурую, худющую пятнадцатилетку. У меня было такое чувство, что, несмотря на сумрачное бремя пубертата, ей нравится, когда я рядом, – длинноволосая женщина двадцати с чем-то лет, кажущаяся совсем непохожей на ее мать.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спрашивала она. Я сидела у них в гостиной и ждала, когда Сильвия договорит по телефону.

Я рассказывала о сценарии, который тогда читала.

– Классная же у тебя жизнь, – произносила Рейчел; ее подростковые глаза были подведены слишком густо.

Я сомневалась, что когда-нибудь буду по-настоящему “классной”, ведь я выросла в квартире над нашим рестораном во Флашинге. Но Рейчел, возможно, и не догадывалась о моих корнях.

Из-за семьи и насыщенной светской жизни Сильвия часто отдавала мне свои приглашения на кинопремьеры и приемы. Со временем меня саму стали приглашать. Раз по два в неделю я вечером оказывалась на показе или каком-нибудь профессиональном сборище, знакомилась с другими режиссерами и продюсерами, захлеб говорила с ними о кино, о том, кто какими проектами занимается, кто какие фильмы в последнее время смотрел. Там всегда было спиртное; нали-

вали бесплатно, вино лилось рекой, и я вращалась в местах, полных привлекательных и остроумных работников киноиндустрии; большинство были хорошо образованными и белыми, но всех нас объединяла неугасимая страсть к кино.

Неформальное общение было такой же частью работы, как офисные дела. В конце концов, так связями и обрастают. А в том возрасте мне ничего не стоило гулять до часу-двух ночи, знакомясь с режиссерами, актерами и руководителями отделов закупок, а потом осовело отпирать офис в девять часов утра – похмельной, но счастливой. Похмелье было неизменным следствием удачно установленных связей. И разве мы не были баловнями судьбы? Мы, получавшие зарплату (пусть и скудную) за то, что занимались тем, что любили: делали кино.

Производство наших собственных фильмов всегда предоставляло возможность познакомиться с людьми из еще одной съемочной группы, с каждым человеком, чья имя попадает в финальные титры: от посыльного до старшего рабочего-механика и оператора-постановщика. Я часто сближалась с актерами и поняла, что они такие же, как обычные люди, только более привлекательные и харизматичные. И очень даже дружелюбные, особенно если хотят получить роль. В киноиндустрии актеры – самые, наверное, из всех приверженные своему делу люди, но они же обычно – самые в себе неуверенные и самые неудачливые.

Так что я уже не была наивной мечтательницей, толь-

ко-только пришедшей в кинопроизводство, к моменту появления на сцене Хьюго Норта.

Да-да, зловещая барабанная дробь. Мы добрались до той части истории, где в кадр входит мистер Норт.

Том Галлагер подается вперед в предвкушении. Должно быть, в такие моменты журналисты-расследователи истекают слюной.

– Можете описать вашу первую встречу?

Как бы я все эти годы ни пыталась затушевать мысли о нем, этот момент я помню очень ясно. Влиятельные люди в нашей жизни всегда удостаиваются достопримечательного появления, правда? Или, может, это наша память сохраняет ту самую встречу в особом формалине, а великое множество других встреч в нашей жизни меркнет, забывается.

Разумеется, Хьюго Норт – человек, впереди которого всегда идет его репутация. Когда ты с ним знакомишься, реальное содержание встречи всего лишь совпадает с имеющимися у тебя ожиданиями – и предрешенной развязкой.

Что в нем подкупало немедленно – это его британское произношение. В киноиндустрии все только и хотят выделяться, хотят, чтобы в них видели нечто уникальное. На Хьюго работало произношение. Американец слышит британское произношение и воображает английскую королеву, пьющую в саду чай со всем своим державным потомством.

Произношение Хьюго сообщало ему некую утонченность, его голос сулил немислимые возможности.

Но кроме голоса он обладал неколебимой уверенностью в себе. Способностью привлекать к себе внимание посредством одной своей репутации, через неявное осознание его богатства. Я не знала другого человека, который, просто разговаривая с тобой, делал так, что ты была рада находиться рядом с ним, в его орбите.

Но стоило решить, что перед тобой очередной сладкоголосый британец, завсегдатай частных клубов и пятизвездочных отелей, как Хьюго сбивал тебя с толку. Он увлеченно болтал на улице с бездомными, расщедриваясь на слова, но не на мелочь. Однажды я видела, как он пожирал кусок пиццы из дрянной пиццерии в Нижнем Ист-Сайде, запихивая сыр и корочку в рот с такой скоростью, что едва успевал жевать.

Помните, что я говорила?

Аппетит прежде искусства. А с аппетитом у Хьюго все было в порядке.

Но он также прекрасно умел распознавать аппетит в других, знал, как их накормить, знал, когда оставить голодными.

Я познакомилась с Хьюго Нортон на Каннском кинофестивале, когда оказалась там в третий раз. Я знала, чего ждать; я уже не была ничего не подозревающим новичком, сраженным этим спектаклем. Я пыталась описать Канны Ка-

рен, когда побывала там впервые, но сомневаюсь, что она когда-либо переживала что-то похожее на совершеннейшее безумие этой обстановки, на этот лихорадочный торг и позерство под средиземноморским солнцем.

Вот такие они, Канны. Выходишь на Круазетт – знаменитый променад, тянущийся вдоль всего побережья. Тро-туар кишит людьми, в основном работниками киноиндустрии или теми, кто работниками притворяется, с визитницами, телефонами, “блэкберри” и аккредитационными картами, болтающимися на загорелых шеях. Все несутся со встречи на встречу, держась плотного расписания показов, ланчей и фуршетов. Со сколькими людьми тебе удастся познакомиться, сколько связей удастся завести, чтобы прочли твой сценарий, чтобы финансировали, продали, прокатывали твой фильм?

С одной стороны искрится на солнце Средиземное море. По всему пляжу островерхие павильончики, и в каждом сидит какая-нибудь национальная кинокомиссия, пытающаяся уговорить кинематографистов потратить производственный бюджет на съемки в *ее* бесподобной стране со сногшибательной натурой и благоприятными налоговыми льготами.

С другой – вольготно расположились роскошные отели первой линии: “Мариотт”, “Мажестик”, “Карлтон”, “Мартинес”. Праздные здания задрапированы афишами фильмов, иные в пять этажей высотой, за которые прокатчики заплатили тысячи евро, стремясь наделать шуму на самом знаме-

нитом кинофестивале в мире.

Наделать шуму – это, конечно, главное.

Запуск нового фильма требует хорошо продуманных тематических вечеринок на далеких виллах в горах, или на крышах дворцов, или на яхтах, пришвартованных в порту, – или же, для избранных, на яхтах, стоящих на якоре в заливе, до которых нужно в атмосфере таинственности добираться на моторке. Я уверена, что бюджеты некоторых таких вечеринок оставляли далеко позади бюджет всего нашего фильма.

Кто закатиет самую грандиозную вечеринку на самой большой яхте? Или повесит самую большую афишу, скрыв отель “Мартинес” за броским изображением исполнительницы главной роли и запоминающимся названием фильма? О каком из новых фильмов будут на следующий день писать профильные издания, говорить на встречах за завтраком или на бегу между показами, – все, как один, в огромных темных очках, чтобы скрыть колоссальное похмелье?

Одним концом Круазетт упирается во Дворец, где каждый вечер в честь очередной премьеры красная широкая ковровая дорожка приветствует бомонд и ослепительные фотовспышки добавляют к яркости средиземноморского солнца. В сторонке стоят приунывшие французские подростки во взятых напрокат смокингах и дурно сидящих вечерних платьях с чужого плеча. Они держат плакатики с мольбами о лишнем билете на премьеру (поскольку на показах обычных

зрителей не бывает и соблюдается дресс-код).

Отправляясь туда впервые, я собралась неправильно. Ну откуда девчонке-китайке из Флашинга знать, как собираются на Каннский кинофестиваль? Я, в общем, была достаточно уверена в своей внешности, чтобы не беспокоиться на ее счет. Но Сильвия не предупредила меня, что для того, чтобы просто исполнять свои профессиональные обязанности в Каннах, мне нужно было одеваться так роскошно, как я никогда прежде не осмеливалась.

Канны – это своего рода подиум, и если ты женщина, тебя будут воспринимать всерьез только если ты стройная, волосы у тебя блестят, на тебе платье, которое тебя красит, и неизменные темные очки. К счастью, первым двум критериям я соответствовала. Два других легко было добрать. Так что в первый раз в Каннах я взглянула на людей на Круазетт, направилась в ближайший доступный мне магазин одежды и с полным сознанием своей правоты потратила сто евро на платье, чтобы не иметь бледного вида перед людьми, с которыми мы собирались делать дела. Дешевле платья я не нашла, но тогда для меня это были большие деньги. Да и сейчас тоже.

Что-то из этого, видимо, вышло, потому что на Круазетт меня остановили двое мужчин-туристов и попросили автограф. Я помедлила, несколько растерявшись. Они меня с кем-то перепутали? Решили, что я, Сара Лай, какая-то знаменитость, только потому, что на мне правильные очки и я

выгляжу соответствующим образом?

Я подумала, не подписаться ли чужим именем – Люси Лью, или Гун Ли, или... ну да, актрис, из которых я могла выбирать, не чтобы уж очень много, – но в итоге накарябала на их бесплатной туристической карте Канн крупным, неудобочитаемым почерком “Сара Лай”. Вот они разочаруются, если все же разберут мое имя и поймут, что я – человек неизвестный.

Но значение имела иллюзия. Для них – иллюзия того, что они повстречали на Каннском фестивале кинозвезду. Для меня – иллюзия того, что я была чем-то знаменита, достойна признания.

Итак, “делать дела” в Каннах – это в основном означает бесконечные встречи. Кое-кто там действительно ради того, чтобы покупать фильмы, и это целый мир: показы и покупатели, посещающие агентов по продажам в их номерах и торгующиеся за права на прокат разных картин. Звучит красиво, особенно если представлять себе белоснежные террасы с видом на Средиземное море. Да: там, сговариваясь, пьют розовое. Но помните, что я говорила? Все равно все это ради продаж – ничем не отличается от того, что делают сварливые лоточники, вразнос торгующие пророщенными бобами на улицах Флашинга. Фильмы – это товары, которые продают. Просто упаковка у этих товаров попривлекательнее.

Единственное, чего мне нельзя было делать в Каннах, –

это, собственно, смотреть фильмы. В тот наивный первый раз я заикнулась об одном показе, и Сильвия уставилась на меня с каким-то глухим возмущением.

– Я тебя не для того в Канны беру, чтобы ты там *фильмы* смотрела.

Тон ее голоса стал резким, таким, которого я всегда боялась как огня и на который все-таки иногда вдруг напарывалась.

– Правда? – спросила я исключительно от смущения. Это же кинофестиваль. Так, наверное, на каком-то уровне смысл в том, чтобы смотреть фильмы.

– Сара, ты можешь смотреть столько фильмов, сколько тебе заблагорассудится, здесь, в Нью-Йорке. Я беру тебя, чтобы ты ходила на встречи. Устанавливала контакты, расширяла наши связи, знакомилась с актерами, находила людей с деньгами. Это *не* отпуск.

Я стояла, оторопев. Пыталась постигнуть, как это – оказаться в Каннах и *не* погрузиться в невозмутимую тишину зрительного зала, дожидаясь вожделенного мига, когда первые кадры фильма покажутся на экране...

Нет, это иллюзия. Продукт.

А производился указанный продукт в других местах – на встречах, в разговорах по телефону, посредством писем, переговоров и договоров. Мир кино завлек меня, как и очень многих из нас, тем, что сулил отвлечение и изумление. Но это была работа, и все тут. И в Канны я собиралась в коман-

дировку.

Так что, будучи в Каннах в третий раз, я уже знала порядки. Мы с Сильвией обычно планировали все как минимум за месяц – определяли людей, которых хотели повидать, писали им в офис, чтобы условиться о получасовой встрече в один из четырех дней. Я составляла расписание вечеринок и рассылала приглашения. В наших ежедневниках были расписаны обеды, фуршеты и афтерпати. Я записала наши сценарии и маркетинговые материалы на флэшку и повсюду таскала ее с собой. И я не забыла взять предостаточно визиток с моим именем, вытисненным темно-серым на бледно-желтом: Сара Лай. “Фаерфлай филмс”. Ассистент продюсера.

Так я и поняла, что добила, чего хотела. У меня была визитка. Я стала своей.

На третий раз в Каннах было сделано исключение: мне разрешили посетить один показ – нашего собственного фильма, “Твердой холодной синевы”.

Первый художественный фильм Зандера был отобран для участия в “Особом взгляде”, официальной программе Каннского фестиваля для подающих надежды режиссеров. Это была завидная честь; любой режиссер или продюсер с радостью за нее убил бы. Двенадцать художественных фильмов, снятых начинающими режиссерами со всего мира, на смотре у всей международной киноиндустрии. Зандер из-за этого зазнался донельзя, но мы с Сильвией терпели, поскольку это

был шаг вперед для нашей компании и других наших проектов. Мы могли обратить в пользу то внимание, которое Зандер теперь привлекал к себе как режиссер. На очереди у нас был его второй фильм: сценарий отшлифовали, переговоры с актерами уже вели, нашли шестьдесят процентов финансирования.

Все было готово. Мы могли сразу начать производство фильма, добыв остаток финансирования: еще четыре миллиона долларов или около того. Сумма немалая, но где-то она была. Надо было только ее найти.

Тут-то и появился Хьюго Норт. Мы познакомились с Хьюго в Каннах в тот же день, когда, чуть раньше, состоялся первый показ фильма Зандера, и отклики были хорошие. Благодаря восторженной рецензии в “Вэрайти” (“возвещает о новом честолюбивом и талантливом виртуозе”), вполне положительной в “Скрин интернэшнл” (“умно и дерзко”), а также фотографии Зандера с двумя исполнителями главных ролей в “Голливуд репортер” о нас заговорили в полный голос. Пристально взглядевшись в то, что было набрано в рецензиях мелким шрифтом, можно было обнаружить наши с Сильвией имена – мы числились как, соответственно, ассистент продюсера и продюсер.

На разных стадиях постпроизводства я видела этот фильм раза, наверное, сорок два. Сидя в монтажной, потом – в одиночку, смотря его на DVD с таймкодом, чтобы делать заметки о визуальных эффектах, звуковых эффектах, звукоза-

писи, музыке. Но первый его просмотр на Каннском кинофестивале, в зале, полном незнакомых людей, был опытом сродни религиозному. Когда смеялись шуткам, я испытывала облегчение. Когда в конце энергично хлопали, я испытывала радость.

Среди финальных титров я видела один с моим именем. Мое имя, Сара Лай, безраздельно завладело экраном на целых три секунды. Я поняла, что во всей этой толпе профессионалов нет никого, кто, сидя рядом со мной, знал бы, кто я такая, что я потратила годы своей жизни на работу над фильмом, который они только что посмотрели. В этом полном зале я могла быть никем. Но я не была никем. Я улыбнулась про себя в темноте, понимая, что впервые в жизни могу заявить, что являюсь кем-то.

Я вышла с показа, держась на несколько шагов позади Сильвии, оживленно болтавшей с человеком, которого я не знала. Я пыталась расслышать, что говорят вокруг, расслышать в гуле одобрение или глухое разочарование. Повернувшись к мужчине рядом со мной, я увидела, что это молодой, симпатичный американец, и спросила, что он думает о фильме. Он сказал, что это очень оригинальный подход к жанру с отличным поворотом в конце.

– Это хорошо. – Я помолчала и продолжила: – Потому что я одна из продюсеров этого фильма.

Этой коротенькой фразы хватило.

Мужчина взглянул на меня по-новому. Может, он не ожи-

дал, что я, юная американка азиатского происхождения, окажусь кинопродюсером, – а может, думал, что я пресс-агент, или недо-актриса, или чья-то помощница. Но его отношение переменялось в ту же секунду.

– О, здорово, поздравляю! Отличный фильм. Серьезно.

Я улыбнулась.

– Спасибо.

В кои-то веки я искренне гордилась тем, что для этого фильма сделала, и все равно понадобился посторонний человек, чтобы это вышло наружу.

– Да, кстати, я Тэд. – Мужчина сердечно улыбнулся и протянул мне руку. – Тоже продюсер. Какие планы?

В Каннах любой разговор может слегка отдавать заигрыванием. Тут, в конце концов, в течение недели дела делаются при изобилии спиртного, при почти таком же изобилии наркотиков, женщины дефилируют в декольтированных платьях, а мужчины посиживают в расстегнутых рубашках. Соблазнение – часть игры. В кинобизнесе нужна харизма, чтобы очаровывать окружающих, иначе ты никого не сумеешь убедить финансировать твой фильм, или купить его, или в нем сыграть. А еще важнее в Каннах то, что ты никогда не знаешь, кто тебе может встретиться на следующей вечеринке.

Но тут ко мне подошла Сильвия. Представиться Тэду она не потрудилась.

– Я пошла на нашу следующую встречу с Зандером. По-

смотри почту и не забудь о коктейле в “Карлтоне”. Там будет один важный человек, с которым тебе надо познакомиться.

Глава 8

В письме Сильвии говорилось:

В 10 вечера – коктейль с этим британцем, Хьюго Нортон. Ему очень понравился фильм, и он может нас профинансировать. Будь с ним мила.

Когда вспоминаешь это письмо, может возникнуть искушение почитать между строк. Но Сильвия имела в виду то, что написала, и ничего больше. “Будь с ним мила” не следовало понимать как “Не скупись на сексуальные услуги”. Мы в киноиндустрии действуем по-деловому, но все-таки не совсем уж в лоб. А в Сильвии мне нравилось ее прямодушие. Она видела что-то полезное для дела или потенциальный проект – и бралась за это, руководствуясь сугубо практическими соображениями. Гулянки, секс, наркотики, даже слава интересовали ее исключительно с точки зрения того, как это можно использовать. Хотя вот деньгами ее *можно было* заинтересовать.

Поэтому после ужина с Тэдом я довольно трезвой явилась на наш коктейль ровно к десяти часам.

“Карлтон” – безусловно, самый великолепный и изысканный из всех роскошных отелей первой линии, господствующих над Круазетт. Там Грейс Келли познакомилась с князем Ренье III, прежде чем стать княгиней Монако в 1956 году, там Хичкок снимал ее в “Поймать вора”. Даже на третий год

в Каннах я слегка ликовала, когда охранники позволили мне выйти на его мраморную террасу и проникнуть в блистательную толпу, высыпавшую под звездное небо.

Я пытаюсь воскресить в памяти эту сцену десятилетней давности, тот погожий весенний вечер. Снимай я ее в кино, как бы она разворачивалась?

Я, двадцатисемилетняя, не знающая, чего ожидать, явилась бы, одна, на террасу “Карлтона”. Снималось бы, разумеется, со стабилизатором, с моего ракурса. Так что зритель идет со мной – и вместе с ним мы входим, замороженные, в эту круговерть бурного кутежа.

По правую руку звенит смех: обворожительная женщина в платье без рукавов сидит на краешке стола, окруженная группкой поклонников.

Смотрю налево и вижу перебравшего шампанского лысого мужчину, во весь рот улыбающегося группке девушек. Он спьяну роняет бокал, и тот разбивается под женские визги.

Но я иду дальше, камера следует за мной к определенной, невидимой цели где-то в глубине зала.

Потом толпа расступается – прямо перед нами проходит пара, на мгновение все заслоняя. Я проплываю сквозь кучку гуляк, и вот – только что был скрыт от глаз, а теперь на самом виду – сидит человек, в направлении которого я двигалась все это время, хотя этого я еще не осознаю.

Человек поднимает глаза прямо на меня и широко улыбается.

Это мужчина средних лет, не в расцвете сил, но сохранивший мрачную, уверенную притягательность, под знаком которой прошла его счастливая молодость. Он пополнил в талии, стал шире в плечах, и это добавляет ему внушительности, весомости при всяком взаимодействии. Двигается он уже не так легко, как в молодости, но ему этого уже и не надо, потому что теперь все и вся крутится вокруг него, чтобы к нему подладиться.

Он встает меня поприветствовать. Такой загорелый, что кожа кажется дубленой; над ястребиным носом сошлись тяжелые импозантные брови. Под ними – разительно зеленые глаза, масляные, возможно, дразнящие. Словно он изучал меня задолго до того, как я наконец к нему подошла.

Это может вызвать некоторые подозрения; возможно, вид у меня такой, словно мне не по себе, словно мне уже известно о его скрытой власти. Но эти подозрения исчезают, как только он решает улыбнуться. Проблеск его сверхъестественно белых зубов заставляет меня довериться ему.

Зубы Хьюго Норта, наверное, были искусственно отбелены; иначе не могу объяснить, как он добился такой белизны. При этом, как большинство британцев, он не потрудился их выровнять, и так вот они на меня и сияли: ослепительно белые на загорелом лице, но кривоватые.

– Хьюго, – сказала Сильвия. – Пожалуйста, знакомьтесь: Сара Лай.

Приветствие Хьюго застало меня врасплох. Я ждала немудреного рукопожатия, а он подался вперед, притянул меня к себе и запечатлел на моей щеке влажный поцелуй – поприветствовал по-европейски. Непривычная к таким нежностям, я сконфуженно оцепенела. Потом он поцеловал меня в другую щеку.

– Всей душой рад знакомству, Сара. Я столько хорошего о вас слышал.

Хоть я и знала, что он из Англии, я все равно несколько опешила, услышав это британское произношение. В нем было что-то умопомрачительное, даже запретное.

Покончив с формальностями, Хьюго уселся обратно и, как будто не прерывался, продолжил разговор с Сильвией и Зандером. Хьюго развлекал нас рассказами о своих былых каннских похождениях, козыряя именами тузов киноиндустрии, к которым нам было не подступиться.

– Но вот право слово, который раз я уже в Каннах – десятый, двенадцатый? И, Зандер, ничего подобного твоему фильму я раньше не видал. То есть я просто обалдел. Картинка, движение камеры. Не сомневаюсь, что ты все это на весьма ограниченный бюджет устроил... Удивительное дело.

Хьюго восхищенно покачал головой, а Зандер благосклонно кивнул, словно святой покровитель, выслушивающий обращения к нему молитвы.

Так и началось это взаимное услаждение мужского самолюбия, этот стратегический выпендрез, в русле которого на-

ша компания двигалась последующие несколько лет. Зандер привык, что им восторгаются ботанического вида фанаты и самые разные женщины – хохотушки-модели, начинающие актрисы, его агент и ее ассистентки. Но услышать такое от этого выдавшего виды, опытного мужчины... Уж как-то для Зандера комплименты Хьюго значили побольше.

И в то же время Зандер вел свою собственную игру.

– Это ты еще не знаешь, что я для другого фильма придумал. Есть прямо прорывные идеи, надо только с бюджетом разобраться.

Хьюго беззаботно помахал руками.

– Давай пока о бюджетах не будем. Я хочу, чтобы ты сначала забыл обо всем и почивал на лаврах. Чтобы ты понял, какой проделал путь и в каком выгодном положении теперь пребываешь.

Он снова наполнил свой бокал шипучим и отсалютовал нам; посмотрев на всех нас по отдельности, продолжил.

– Сейчас все ведь только о тебе и говорят. Годы ушли, чтобы этот момент настал, – упивайся им. Не каждый день премьера твоего первого художественного фильма проходит в Каннах.

И он был прав. Мы с Сильвией как угорелые бегали по Круазетт на встречи, думая лишь о том, чтобы произвести впечатление на очередного нужного человека, и толком не насладились этим моментом, ощущением победы, которое мы после всех наших трудов имели полное право испыты-

вать. Слушая слова Хьюго, я позволила себе расслабиться, а шампанское делало свое дело.

– Право слово, если вы хотите сегодня оторваться... Я по веселью специалист, – ухмыльнулся Хьюго. Подлил нам в бокалы “Моэта”. – Но я хочу дать вам повод для *настоящего* праздника. Готовы послушать?

Я была заинтригована и жадно отпила шампанского. К тому же мне нравилось, что он говорит о “нас”. Уж сколько времени в центре событий были Зандер с Сильвией, а я назначала для них встречи, расхваливала их нужным людям, следила за тем, чтобы не выйти за рамки мне дозволенного. Но теперь меня к ним по-настоящему причислили, сочли неотъемлемой частью команды.

Хьюго откинулся и взмахнул рукой с блестящим перстнем-печаткой на мизинце.

– Я думаю, что такой талантливый режиссер, как ты, Зандер, достоин располагать всеми средствами, чтобы воплотить в жизнь свой следующий замысел. Несправедливо, что тебе приходится экономить на всем подряд, чтобы фильм вообще получился.

Зандер кивнул и вперился взглядом в Хьюго.

– Вы все свои силы отдали этой невероятной картине, от которой тут столько народу без ума. И я очень хочу помочь вам вывести вашу деятельность на следующий уровень.

Вступила Сильвия.

– Вот мы на каком сейчас этапе: фильм Зандера, в общем,

можно начинать, осталось только все уладить с финансированием.

Она рассказала, сколько мы уже собрали и где.

– Ясно, ясно. И вам не хочется тратить еще год на сбор денег, чтобы просто сделать фильм, – подхватил Хьюго. – Пока тут все носятся с Зандером, вы хотите – раз, и за дело, начать снимать. В наилучшем виде. А это, наверное, значит – в наилучшем *финансовом* виде.

– Точно, – сказал Зандер. – Я свое отработал; сколько еще, на хер, ждать?

Он со значением взглянул на Сильвию, потом снова на Хьюго.

Этот разговор был мне явно не по чину, поэтому я просто с огромным интересом слушала. Хотя я теперь и состояла в должности ассистента продюсера, в присутствии Зандера и Сильвии моя задача оставалась прежней: на встречах с нужными людьми молчать, пока ко мне не обратятся.

– Так расскажите немного о том, что вы думаете, – сказала Сильвия. – Как вы хотите помочь?

Она заметила, что бутылка шампанского почти опустела, и дала мне знак заказать еще одну. Я огляделась, пытаюсь подзвать кого-нибудь из неприступных официантов, но от разговора не отвлеклась.

Хьюго ухмыльнулся.

– Нравитесь вы мне, Сильвия. Вы – человек прямой, это такая редкость среди всей этой... глупой показухи на Круа-

зетт.

Он показал рукой на террасу с охорашивающимися старлетками и самодовольными мужчинами; некоторые из них так и остались вечером в темных очках.

– Я-то из другого бизнеса. У вас в Америке это называется недвижимостью. Так что я привык покупать что-то, зная наверняка, на сто процентов, что с годами стоимость этого возрастет. Но я знаю, что с кино дело обстоит по-другому.

– Совсем по-другому, – сухо сказала Сильвия.

– Я инвестировал в фильмы и мало чего за это получал. Понимаю. И все равно меня каждый год тянет в Канны – из-за фильмов.

Хьюго на секунду закрыл глаза. Когда он снова заговорил, его голос чуть ли не подрагивал, что в сочетании с британским произношением придавало всему театральности.

– Ведь это все-таки *кино*. Ничего подобного ему на свете нет. Нет другого вида искусства, другого развлечения, которое бы так тебя забирало. А хороший фильм, способность рассказать мощную историю, тут же завладеть зрителями... это просто...

Он положил руку на сердце и покачал головой.

Как бы мелодраматически ни прозвучали слова Хьюго, мы купились. Мы отдали пять лет работе над фильмом, который кто-то посмотрит девяносто минут и сразу забудет. Нам такое безумие казалось убедительным.

– Так вот что я хотел бы предложить. Зандер, ты – боль-

шой талант, у тебя многое впереди, а вы, Сильвия и Сара, незаменимы в качестве его продюсеров. Команда у вас явно слаженная. В сущности, я бы очень хотел *поучаствовать* в вашем следующем фильме, в “Яростной”. Да, я пока что только синопсис читал, но он мне очень понравился. Так что сколько там вам нужно... в разумных пределах? Три миллиона долларов? Пять миллионов? Больше?

Он переводил взгляд с Сильвии на Зандера, с открытыми ртами ждавшими, когда Хьюго продолжит.

Пять миллионов – вот так вот просто? От потрясения у меня глаза полезли на лоб.

– Считайте это долгосрочной инвестицией. Меня не только один этот фильм интересует. Я вижу потенциал в *компании*. Во всех вас. В других фильмах Зандера. И в других проектах, которые вы запланировали, с другими режиссерами.

В глазах у Сильвии был необычный блеск. Там была и привычная пронизательность, но я различила новое, ни на что не похожее свечение, сосредоточенное, как лазерный луч.

– То есть вы хотите сказать, что хотите инвестировать в компанию? – спросила Сильвия.

– Да, если угодно, слегка вас усовершенствовать. Я уверен, что ваш пятилетний план вполне основателен. Я хочу, чтобы он реализовался. Если мы снимем следующий фильм Зандера в этом году, а в следующем году он выйдет... Уж наверное, в другие пять лет можно вместить один-два но-

вых фильма, возможно, телесериал. И это только Зандер. А другие ваши режиссеры – чем черт не шутит? Подумайте, сколько фильмов можно было бы сделать с таким финансовым вливанием.

– А чего вы хотели бы взамен? – спросила Сильвия, не сводя с Хьюго глаз.

– Ага, сразу к сути, – хохотнул он. – Деловая вы женщина, Сильвия... Ну, это долевая инвестиция. Само собой разумеется, участие в собственности компании...

– А какое отношение к делам компании вам бы хотелось иметь?

Это было самое главное, вопрос, тяготевший над встречей все то время, что мы сидели среди болтовни и пианинных наигрышей, выпивая это шампанское этим вечером с этим человеком. Я не знала, станет ли Сильвия хотя бы думать о том, чтобы частично передать этому чужаку бразды правления компанией, которую она пестовала годами.

Хьюго посмотрел ей прямо в глаза.

– Я бы хотел иметь к ним самое непосредственное отношение. Чего тут скрывать. Я уже не первый год ищу хорошую продюсерскую компанию, чтобы в нее инвестировать. Компанию, которая может находить таланты высшей пробы, разрабатывать хорошие проекты, которой эффективно управляют... Вы удивитесь, но таких – единицы.

Сильвия улыбнулась нам с Зандером, без слов отдавая должное нашему вкладу.

– Я лично в Каннах сижу тихо, – признался Хьюго. – Знаете, сколько алчных режиссеров с продюсерами ломилось бы ко мне в дверь – с моими-то средствами? Но в вас – Зандер, Сильвия, Сара – я инвестировать хочу. Вы ребята что надо.

Зандер не отвлекался.

– Если бы ты это сделал, Хьюго, то какую роль хотел бы играть в производственном процессе?

Зандер меньше всего хотел бы, чтобы этот магнат лез куда ни попадя, мутит его творческие замыслы.

Но Хьюго знал, что на это сказать.

– Ты, Зандер, – творческий дух всех своих фильмов, и вторгаться в эту сферу я не собираюсь. Я слышал, что Сара великолепно работает со сценариями, а Сильвия, разумеется, – госпожа, без которой ничего этого не было бы.

Он кивнул и посмотрел на нас по очереди.

– Вы имеете все основания оберегать то, что создали. Но послушайте, дайте себе на минуту волю. Подумайте, чего сможете достигнуть при усиленном финансировании.

Я вспомнила, как нам пришлось ужимать бюджет последнего фильма, жестко торговаться с агентствами, чтобы нанять актеров за меньшую плату, даже добиваться скидки на кейтеринг.

– Вы сможете расшириться: нанять больше работников, найти новый офис, может быть, даже перебраться в Лос-Анджелес...

– Так, давайте не будем опережать событий, – сказала

Сильвия с предостерегающей ноткой в голосе.

Но мое воображение уже распалось. Иметь помощника, которому я могла бы что-то поручать. Получать приличные деньги, чаще ходить куда-нибудь поесть, не смотреть больше на каждый ценник, покупая продукты...

– Хотите в следующем году пижонскую премьеру в Канадах? – продолжал Хьюго. – Сногшибательную афтерпати, о которой все будут говорить? Хотите быть на первых полосах всех профильных изданий, чтобы вас продвигали на премии? В киноиндустрии много чего можно купить за деньги. Можно купить рекламу и шумиху. Но таланта не купишь. Вот *это* и будет ваша лепта.

Мы втроем помолчали; каждый, наверное, представлял себе, какие горизонты могли бы нам открыться с деньгами Хьюго. Вероятно, это были мечты, которые мы вынашивали с тех пор, как начали работать в кино. Теперь они впервые казались очень даже осуществимыми.

– Но деньги могут *подпитывать* талант, могут вывести его на следующий уровень. И именно это мы для вас и сделаем. – Хьюго взял новую бутылку “Моэта” и доверху наполнил наши бокалы. – Значит, с меня деньги. С вас искусство. Просто и понятно.

Если у нас и возникли какие-то сомнения насчет Хьюго во время этой первой беседы, то они быстро потонули в изобильном спиртном, которое мы употребили после.

После того как мы вдоволь поговорили о компании, Сильвия изъявила желание вернуться в номер, чтобы позвонить своим домашним в Нью-Йорк. Но Хьюго и слышать об этом не хотел.

– Пустое, – провозгласил он. – Там на шесть часов меньше, у вас еще куча времени. *Меня* тут пригласили на закрытую вечеринку несколькими этажами выше, это такое камерное сборище по поводу последнего фильма Тарантино, и я глубочайшим образом убежден, что вы должны составить мне компанию в качестве моих гостей.

Что?! – подумала я. *Вечеринка Тарантино?*

Впрочем, облекать в слова свое волнение я не стала.

Сильвия колебалась.

– Хьюго, это очень мило с вашей стороны, но... вы уверены, что можете привести нас?

В Каннах существует четкая иерархия: на одни вечеринки можно заявиться просто так, на другие – ни-ни. Всем, конечно, хочется ходить по всем вечеринкам, но соваться туда, где тебя не ждут, не хочется никому. Выскочек нигде не любят, в Каннах – особенно.

– Ничего, – отмахнулся он. – Мне сказали: чем люднее, тем веселее. Поверьте, там будет столько шампанского, что три лишних рта вряд ли что-то изменят.

Зандер ослабился.

– Я-то за, но мне тут нужно поздороваться кое с какими девушками, с моделями знакомыми. Это пять минут.

Он указал на стайку длинноногих сильфид с блестящими волосами в другом конце зала. К этому вечернему часу они привлекли, прямо скажем, немало мужчин, которые медленно, терпеливо кружили вокруг них.

Хьюго поднял свои черные брови.

– Вон с теми девушками? Это модели, с которыми ты работал?

Он оглядел их, кивая.

– Зови с нами. Не сомневаюсь, что там, куда мы идем, им очень обрадуются.

Итак, пятнадцать минут спустя я втиснулась в зеркальный лифт вместе с Хьюго, Зандером, Сильвией и четырьмя высоченными супермоделями, и мы отправились на вечеринку на седьмом этаже “Карлтона”.

Ковен состоял из одной рыжеволосой, одной смуглой брюнетки, одной русской блондинки и одной величавой чернокожей красавицы. Еще все они были чуть ли не на фут выше меня, поэтому я не очень-то поняла, что выражали их лица, когда Зандер представлял нас друг другу.

– Привет, я Сара, – сказала я ключице блондинки. Не стала добавлять: “Я читаю в офисе сценарии”. Вряд ли ей было до этого дело. Ее сандалии на каблуке демонстрировали безупречные ногти с ярко-розовым педикюром; рядом с ними, увы, мои щербатые, своими силами накрашенные ногти смотрелись явно по-дилетантски.

– Девушки, я надеюсь, вы понимаете, – сказал Хьюго, – что находитесь рядом с набирающим силу гением от мира кино. У Зандера только что состоялась премьера фильма, здесь, в Каннах, и на фестивале сейчас только о нем и слышно.

Модели взвизгнули, Зандер кивнул.

– А Хьюго – большой человек. Похоже, будет спонсировать мой следующий фильм.

– Ух ты, – хором сказали они, словно чуя богатство, которым от него пахло.

Хьюго больше ничего не сказал, улыбнулся им, и все. Но интерес в них уже зажегся.

Тут лифт звякнул, и мы увидели изящный мраморный коридор и номера на седьмом этаже отеля.

Хьюго целеустремленно зашагал к белоснежным дверям “Номера Софи Лорен”, из-за которых доносился безошибочно узнаваемый ритм вечеринки в полном разгаре. Хьюго подошел к чернокожему охраннику, сунул ему что-то в руку и что-то прошептал на ухо. Охранник взглянул на нас и наше приношение – четырех супермоделей мирового класса, живую рекламу “Бенеттона” только для взрослых. Он что-то буркнул себе в запястье, кивнул и открыл нам дверь.

Мои глаза не сразу приспособились к происходившему передо мной.

Впереди была просторная полутемная комната, освещен-

ная свечами. В воздухе раздавался лаундж группы “Нувель ваг”; невозмутимые мужчины и женщины сидели, развалиясь, на диванах, стояли, прислонившись к стенам, брали фужеры шампанского с подносов, которые носили внимательные официанты.

За исключением нескольких актеров, собравшиеся мужчины внешне ничего особенного собой не представляли, хотя в Каннах все они и старались одеваться стильно: льняные брюки, расстегнутые рубашки, обнажавшие груди различной волосатости и полноты. Зато женщины были сногшибательно хороши. Тут и там попадались женщины одних примерно лет с Сильвией, обычного вида женщины вроде меня, но в основном по комнате шествовали похожие на наших спутниц-супермоделей крали, соблазнительно ступавшие длинными ногами под ниспадающими кафтанами и облегающими платьями. Мужчины в комнате отвлекались всякий раз, когда какое-нибудь из этих сияющих созданий проходило мимо них.

Кто эти люди, гадала я, жалея, что хотя бы губы не подкрасила.

– Девушки, не хотите ли чего-нибудь выпить? – спросил Хьюго.

Тут же бочком подошел официант, протягивая поднос с шестью бокалами шампанского. Их быстро разобрали Хьюго, Зандер и четыре модели.

Сильвия повернулась ко мне с иронической улыбкой.

– Принесу нам шампанского?

– Да, отлично, – промямлила я, все еще осваиваясь с происходящим.

Мне показалось, что в дальнем конце комнаты я разглядела Кевина Костнера. Стало интересно: в каких фильмах он снимался после “Почтальона”?

– На серьезную вечеринку нас Хьюго привел. Интересно, кто еще сейчас в этой комнате, – задумчиво сказала Сильвия, протягивая наполненный доверху фужер шампанского.

– Понятия не имею, – сказала я и выпила бокал залпом. Черт его знает, может, там и Квентин Тарантино был. – Ну, что же время терять – выясним.

И, вполне уверенная, что никто не заметит моих щербатых ногтей, я устремилась в людское скопище.

Следующие два часа прошли в пьяноватых разговорах – а потом и танцах – с целым собранием киновоссов, агентов по продажам, букеров и отдельно взятых киношников, слонявшихся по “Номеру Софи Лорен”. Многие из них слышали о “Твердой холодной синеве”, некоторые даже смотрели. Я вспыхивала, когда слышала в их голосах волнение, когда они протягивали мне визитки, говоря, что нам “надо бы поболтать”. С кем-то из этих людей я годами пыталась связаться по электронной почте. Как выяснилось, нужно было просто попасть на правильную вечеринку, и дело сделано.

Потом, чтобы спастись от зловонной толчеи, я выбра-

лась на террасу подышать свежим воздухом. С облегчением оперлась на резную балюстраду. В гавани плясали огоньки, а “Мариотт”, “Мажестик”, другие здания на первой линии плавной дугой уходили в направлении казино и Дворца. Рядом с гигантскими киноафишами на них казались крохотными безымянные кутилы, что-то восклицавшие, смеявшиеся и сходявшиеся на других балконах, на эспланаде, на невидимых вечеринках.

Со Средиземного моря подул ветерок, и я подумала – взаправду ли это все: я в Каннах, в семи этажах над Французской Ривьерой, на одной закрытой вечеринке с Квентином Тарантино, Кевином Костнером и труппой супермоделей, которых я, возможно, узнала бы, раскрыв последний номер “Вога”? Где-то во Флашинге семейства местных жителей рассаживались к ужину в нашем ресторане, посетители невразумительно делали заказы, повара вытирали замасленные лбы, переводя дух над жарким грилем...

Я повернулась к стоявшей рядом Сильвии.

– Как дела? – спросила она, чокаясь со мной шампанским.

– Да неплохо. – Я допила свой бокал и поставила его на низкий столик рядом с переполненной пепельницей.

Сильвия держала что-то в руке и как раз стряхивала с этого пепел. Пахло оно не как обычная сигарета.

– Сильвия, ты что, *косяк* куришь? – озорно прыснула я.

Она посмотрела на меня, рассмеялась и кивнула.

– Сто лет этого не делала. Слушай, мне его кто-то там

дал, – она махнула рукой в сторону дальнего конца балкона. – Какой-то агент по продажам, француз. Кажется, его зовут *Антуан*.

Она выговорила его имя с псевдофранцузской пылкостью. Мы обе захохотали, как ненормальные.

– Хочешь? – спросила она и протянула мне косяк.

Удивившись, я осторожно затянулась разок-другой; от резкого вкуса травы в горле у меня засадило. Я, разумеется, уже была знакома с марихуаной благодаря моим нью-йоркским друзьям, а вот родители на стену бы полезли, узнай они, что начальница предлагает мне наркотики.

– Чуть-чуть травы никому не повредит, – задумчиво произнесла Сильвия в ночь. – *Не говори* моему семнадцатилетнему сыну, что я это сказала, – сурово добавила она.

Я подняла руки, изображая целомудрие.

– Мой рот на замке, – сказала я, и мы снова расчихикались. Я уже чувствовала, как марихуана умиротворяет мои чувства, и во мне разлилось спокойное веселье.

– Так с кем ты уже познакомилась? – спросила Сильвия.

– *Не считая* уймы супермоделей? – Я отбарабанила несколько имен людей из индустрии, с которыми пересеклась – журналиста из “Вэрайети”, человека, занимающегося закупками, из “Фокс серчлайт”, младших агентов из “Индевор” и “ЮТЭ”. Набранные мной визитки произвели на Сильвию впечатление.

– Ты, значит, все еще на работе, – заметила она.

– Конечно, – я лукаво посмотрела на нее и сказала не без сарказма: – Я все-таки в *командировке*.

Сильвия усмехнулась, узнав мантру, которую мне твердила.

– Сара, – сказала она. – Я должна тебя поблагодарить. За все, что ты сделала.

– Чего? – кайфуя от атмосферы вечеринки, я не ожидала, что меня еще и Сильвия в два часа ночи похвалит.

– Я знаю, что ты работаешь не покладая рук, – продолжила она. – И не всегда это показываю, но, правда, спасибо. Ты много этой компании даешь.

Я помолчала. Секунду наслаждалась признательностью Сильвии – явлением редким.

– Ой, ну... Тебе спасибо. Пока что все здорово.

Китаянка во мне не слишком хорошо умела принимать комплименты, и я выругала себя за свою социальную несостоятельность. *Она твоя начальница! Прояви энтузиазм!*

– А вообще, конечно, невероятно! – выпалила я. – У нас получилось! Мы на этой закрытой вечеринке в Каннах. Все в восторге от “Твердой холодной синевы”. Мы получили финансирование на оставшуюся часть фильма!

Сильвия кивнула.

– Недурно.

Несмотря на траву, она сохранила свою обычную сдержанность.

Меня удивило, что она не прыгает от радости.

– Да ну, Сильвия, – сказала я. – Хьюго, кажется, готов за все платить. Взять на себя накладные расходы. Облегчить нам жизнь.

Наконец-то, хотела сказать я, нам не придется надрываться. У нас все получилось.

– Послушай, я рада, понятное же дело, – ответила Сильвия. – Как тут не радоваться? Но вот погляди-ка.

Сильвия кивнула подбородком в сторону Хьюго, который стоял в укромном уголке, погруженный в беседу с грациозной рыжеволосой девушкой из нашей группы. Я увидела, как она льнет к нему, всем своим стройным телом извиваясь вокруг его крепкого туловища.

– Хьюго – бизнесмен, и этим все сказано. Просто так он никогда ничего делать не будет.

После давешнего разговора мне это казалось вполне очевидным. Участие в собственности компании, должность исполнительного продюсера, влияние на подбор актеров...

– Погляди на это все, Сара, – Сильвия показала на бурлившее вокруг нас веселье: обворожительные модели, облокачивающиеся на спинки диванов и плечи мужчин, мужчины, тянущиеся, чтобы между делом ласкать этих женщин, класть руки на их изогнутые поясницы. – Вот так вот это иногда выглядит. Ты уверена, что готова?

Мне хотелось закричать: *Конечно, я готова, я всю жизнь этого ждала!* Но что-то заставляло меня колебаться.

Позади нас наши подружки-супермодели, блондинка с

брюнеткой, пьяные в хлам, визжали на пороге террасы. Зрелый мужчина взвалил брюнетку на плечо, и та засмеялась, суча шпильками.

Люди вокруг расступились, чтобы не мешать кутерьме, и благодушно глазели.

– На этих девушек, – Сильвия покачала головой, – сейчас все засматриваются, но лет через десять они как выйдут замуж за каких-нибудь скучных бизнесменов, как начнут плодить их потомство, – тут их модельным договорам и крышка.

Потрясенная едким замечанием Сильвии, я прикусила язык и искоса взглянула на нее. Интересно, какой она сама была десять лет назад?

– Ты хочешь быть, как они, Сара?

Я стала отнекиваться.

– У меня бы не получилось. Мне росту не хватит моделью быть.

– А еще у тебя есть мозги, – с нажимом добавила Сара. – Хорошие.

Я мысленно улыбнулась этому комплименту.

– Послушай, звездный час бывает у всех, – сказала Сильвия. – Важно то, как ты им распорядишься.

Лихим щелчком она отправила косяк за балюстраду. Я смотрела, как он светится оранжевым и распадается, исчезает в воздухе.

– Серьезно, Сара. – Она повернулась уходить. – Не забывай себе голову этой мишурой. Ты слишком для всего этого

хороша.

Я кивнула; Сильвия растворилась в толпе. Как-никак для меня было обычным делом кивать на ее распоряжения. Но я смотрела на темное подвижное Средиземное море, и ее замечание не оставляло меня; погребенное, но не забытое, оно удерживало меня на плаву весь следующий год.

Глава 9

Около четырех утра я пошла домой с вечеринки на седьмом этаже отеля “Карлтон”. Зандер с Хьюго остались, а Сильвия ушла звонить домой в Нью-Йорк.

А я? Я отбыла в квартиру, которую снимала еще с шестью людьми двадцати с чем-то лет в дальнем конце Круазетт. О том, что так можно, я узнала несколько лет назад от кого-то, связанного с работой. Четырехкомнатную квартиру снимали семеро, а ключ был один на всех. Ключ мы прятали в цветочном горшке у двери. И, хоть собственно спальных мест в квартире было всего пять, мы как-то справлялись. Большинство из нас все равно почти не спали, каждой ночью возвращаясь после гулянок часа в четыре-пять. Один угрюмый студент-киновед с конским хвостом каждое утро рано вставал, варил кофе и шел на восьмичасовой показ, так что коек нам не хватало лишь в течение каких-то там нескольких часов.

Теперь, десятилетие спустя, я даже не вспомню, как звали хотя бы кого-нибудь из тех, с кем я снимала эту каннскую квартиру. Может быть, они с тех пор сделали невероятные карьеры, сняли эпохальные фильмы, которые получали награды или которые показывали на Круазетт. Может быть, они сделались авторитетными кинокритиками или фестивальными отборщиками. Но, вероятнее всего, ни к чему их кинематографические мечты не привели. Они бились го-

дами, отдали все свои таланты, все свои идеи, самые свои сущности индустрии, где их не желали и в них не нуждались. И в конце концов они угасли, стали ничем. Обычными, будничными людьми: рекламщиками, страховыми брокерами, менеджерами по работе с клиентами. Преподавателями.

Но этого мне и в голову не приходило, когда я плыла по Круазетт под ночным средиземноморским небом. Я думала, что теперь-то мне – только вверх. Через два дня должен был состояться второй показ нашего фильма, и в тот же день профильная пресса должна была объявить о партнерстве между “Фаерфлай филмс” и Хьюго Нортон. Ни дать ни взять, мечта продюсера.

На обратном пути, пьяная и слегка под кайфом, я торжествовала. Я шла мимо горящих фонарей и белых яхт по миллиону долларов каждая, мимо звуков смеха и роскоши от дельцов, знаменитостей и прилагавшейся к ним шушеры, которая на них молилась.

Я миновала конец Круазетт, где здоровенные фонари кончались, где жили будничные, малопримечательные обитатели Канн.

И я с нетерпением ждала будущего.

Тут я останавливаюсь, потому что вижу в глазах Тома Галлагера предвкушение – как у щенка, взявшего след. Во всех разглагольствованиах о Каннах этому репортеру не терпится услышать имя, которое ему знакомо. Знаменитости: вот

валюта, которая у прессы в ходу. Бесценный козырь у меня в рукаве.

Не затем он пришел сюда субботним утром, чтобы узнать о приключениях Сары Лай в мире кино. Он хотел услышать о Хьюго Норте, но и, разумеется, о *ней*. О Холли Рэндольф.

Прошли годы с тех пор, как мы с ней в последний раз признали факт существования друг друга. Сейчас, когда я живу своей печальной незаметной жизнью, мотаясь туда-сюда между пустой квартирой и второразрядной аудиторией, то, что когда-то я жила другой жизнью, кажется сном, отрезком киноплёнки. Что ее имя и номер были записаны у меня в телефоне – вместе с Хьюго Нормом, вместе с Зандером Шульцем. Имена, которые с тех пор приобрели такой глянцевый лоск, взмыли, как звезды в ночном небе. А мое ушло на дно, как камень в забытом пруду. Знакомо ли имя Сары Лай *кому-нибудь*, кроме шестидесяти с чем-то студентов, нехотя присылающих мне свои невыдающиеся упражнения в сценарном мастерстве в двадцать три часа пятьдесят девять минут в воскресенье?

Я знаю, что если имя Холли возникнет в расследовании, то эта история уже никуда не денется. Известность Холли раздует ее по полной программе.

И мне, возможно, придется хлебнуть противных неизбежных последствий.

Так что я выжидаю, раздумываю, как бы мне сыграть следующий кон.

Смотрю на часы. Первая половина дня, и в животе у меня урчит – на двадцать пятом этаже здания “Нью-Йорк таймс”.

Если сидишь в одной комнате с другим человеком в течение продолжительного времени, то отчего-то возникает весьма ощутимая близость. Не то чтобы в интимном смысле – но некая мера общности, которая для меня нынче редкость. Когда я консультирую студентов, то провожу с ними наедине минут по двадцать, не больше. Посещения терапевта и стоматолога длятся примерно столько же. А когда я встречаюсь с друзьями, которых давно не видела, то мы отвлекаемся: на еду, которую едим, на проблески смс в телефоне. Все чаще – на вмешательства их маленьких детей.

Мне непривычно подолгу говорить с одним человеком, вести упорядоченную, целенаправленную беседу вроде этой. Я чувствую себя такой уязвимой, какой не позволяла себе быть вот уже много лет.

Поэтому, когда я встаю размять ноги, я вся на нервах и, странным образом, задумчива. Мой взгляд блуждает по городскому ландшафту за окном: безымянные люди, суetyащиеся на тротуарах внизу, офисные работники в финансовом здании напротив, тянущие в субботний день лямку перед своими компьютерами. Это город, жизнь в котором мы все выбрали, и это знакомый рефрен, уж слишком часто отдающийся эхом в фильмах, пьесах и книгах: частные борения, о которых мы никогда не узнаем, миллионы существ, кое-как

переживающих горе и радость, а потом уходящих в неизвестность.

И все-таки это клише действует даже сейчас, когда я стою в этой крепости четвертой власти, пытаюсь не думать лишнего о том положении, в котором я добровольно, по глупости своей оказалась.

Я слышу, как позади меня бурчит в животе у Тома.

Оборачиваюсь с иронической улыбкой:

– Проголодались?

Он едва ли не застенчиво пожимает плечами:

– Помираю просто.

– Я тоже.

Мы стоим, глядя друг на друга, и я гадаю, какие на этот случай существуют правила. Слишком ли неуместно будет спросить журналиста, пытающегося добыть из меня скрытую историю, не хочет ли он сэндвич?

– Поедим? – предлагает Том.

Я выставляю ладонь.

– Послушайте, я не хочу отвлекать вас от ваших планов на выходные. Я и так уже долго болтаю...

– Сара, – говорит он, словно собираясь меня поправить, – ничего подобного. Я крайне вам признателен за то, что вы успели рассказать...

Отработанная скромность. Для меня не секрет, что я пока что не рассказала ему ничего ценного. Просто дала волю нарциссической потребности поведать свою собственную

историю.

– И, с вашего позволения, мне кажется, это еще только начало. Я уверен, что вы еще много чего могли бы мне рассказать... Возможно, *хотите* мне рассказать.

Я отворачиваюсь и делаю гримасу.

Том ухмыляется.

– Ну, тут не инквизиция. Я не собираюсь лишать вас пищи и сна.

А ты это уже сделал, думаю я. Несколько ночей подряд я вдруг просыпалась с заглодевшим от тревоги нутром.

– Давайте так: сбегает вниз, купим сэндвичей и принесем сюда. Тут за углом есть отличная закусочная. Естественно, “Таймс” платит.

Я смотрю на диктофон; красного огонька не наблюдается. От бесплатного перекуса я, разумеется, не откажусь.

– Обещаю, что ничего не буду спрашивать о... расследовании, когда мы выйдем из этой комнаты. Считайте это переменкой.

Глава 10

Я люблю сэндвич рубен, потому что он не имеет ничего общего с тем, что ели мои родители и бабушки с дедушками. Я даже не могу сказать, откуда моя мама узнала, что такое рубен, но однажды, когда я была маленькой, мы проходили мимо еврейской закусочной в мидтауне – это был один из тех редких случаев, когда мы выбирались из Куинса, – мама остановилась и разъяснила мне рубен.

За столиком сидела пожилая белая пара, сгорбившаяся над своей едой. Я была голодна и до смерти боялась, что мама не покормит меня, пока мы не вернемся во Флашинг.

– Видишь? – мама показала в окно на седого мужчину, разинувшего рот и кусающего сэндвич. – Это рубен. Его в Нью-Йорке придумали.

Пастроми, расплавленный швейцарский сыр, русская заправка, квашеная капуста на ржаном хлебе. Подается с маринованным огурцом.

Все это были такие экзотические ингредиенты, они были так непохожи на рис, лапшу и приправленный глутаматом натрия стир-фрай, которые я ела изо дня в день. Я даже не знала, какова на вкус русская заправка. Родители ненавидели сыр.

– Квашеная капуста в сэндвиче? – спросила я. – Бе-е!

На лице у меня, наверное, был написан ужас; мужчина

поднял взгляд и увидел, что я глазею на его еду. Он нахмурился и отвернулся. Мама залилась смехом.

Щеки у меня так и запылали от стыда, но пожилая дама из этой пары помахала мне, отчего стало только хуже. Она сделала движение пальцами, понуждая меня улыбнуться. Мои глаза наполнились слезами. (Я была очень застенчивым ребенком.)

– Это очень вкусно! – утрированно шевеля губами, беззвучно произнесла она, показывая на сэндвич мужа.

Дернув маму за руку, я потянула ее прочь от окна закуской. Надеюсь, что провалюсь сквозь землю, что грязный тротуар поглотит меня.

В тот день я не съела рубен и еще много лет сторонилась его, памятуя о своем детском унижении. Но повзрослев, я поняла, что ничего такого уж постыдного в той ситуации не было. Я просто не привыкла оказываться рядом с пожилыми белыми людьми. И к тому, что меня застают за подглядыванием, тоже.

А потом, попробовав наконец рубен, я осознала, чего лишала себя все эти годы. Может, и нечего было бояться вылазок в белую культуру.

– Я буду рубен, – говорю я, навалившись на стойку “Закусочная и бейглов Сэма” на 44-й улице. – И...

Мой взгляд мечется по доске-меню с устрашающим ассортиментом смузи: все мыслимые комбинации фруктов и ово-

щей, смешанных друг с другом.

– И эг-крим.

Еще один исконно нью-йоркский продукт, молочный коктейль с содовой, казавшийся мне в детстве таким диковинным. В последний раз я заказывала его много лет назад.

– Хороший выбор, – с одобрением говорит Том. – А мне, Митч, индейку с авокадо. И – можно с этим отличным безглютеновым хлебом, который на днях был?

– Все, что пожелаешь, Том. – Митч за стойкой раскидывает руки, показывая живот под белым фартуком.

– Красота. – Том кивком показывает, что нужно подождать за столиком.

Том Галлагер сидит на безглютеновой диете, отмечаю я и немедленно приобщаю это к своему мысленному своду ненужных сведений.

– Пшеницы сторонитесь? – спрашиваю я. Почему бы и не потрепаться, раз такое дело.

– Да вот решил попробовать. Мама посоветовала.

О его маме, Петре Галлагер, я впервые услышала, когда она появилась на обложке журнала “Парейд” пятнадцать лет назад. *Знакомьтесь, Петра: Новая матрона клана Галлагеров. Стильная, сексуальная, умная – три в одном.*

Его мама начала работать моделью, будучи студенткой Университета Брауна, потом стажировалась в Конгрессе, где познакомилась со Стивеном Галлагером, тогда – тамошним служащим. Дальнейшее – история.

Нет необходимости спрашивать Тома о его семье. Как-то так вышло, что о ней каждый знает.

Потом я задаю другой вопрос, порискованнее; не могу удержаться.

– А вот эта ваша работа... Вам бывает тяжело? Звонить незнакомым людям, выведывать истории очень личного характера?

Вид у Тома ошеломленный – он удивлен, что я об этом спросила. И тут же является очаровательная самокритичная улыбка.

– Ну, такая у меня работа.

– Да, я знаю, что она у вас такая. – Я указываю на экземпляр “Таймс”, лежащий на стойке позади нас. – Но тяжело-то вам бывает? Иначе ведь, наверное, никак. Вы просите людей обнаруживать перед вами довольно болезненные воспоминания...

Он кивает.

– Да, понимаю. Это... нелегко.

– Им нелегко рассказывать эти истории – а *вам* легко их выслушивать?

– Ох, нет. Мне приходилось слышать... просто ужасные истории о манипуляции, о травме. И – да, бывало, что человек посреди разговора начинал рыдать...

– И каково это? То, что вы... что вы доводили людей до слез?

– Ну, до слез их не я доводил, – в его голос вкрадывается

нотка настороженности. – До слез их доводит *воспоминание* о насилии... А на самом деле – совершивший насилие, который довел их до слез первоначально.

Ах, Том, как же ты гордишься своей работой. Когда-то я так же гордилась своей.

– Это понятно, но они бы не плакали во время разговора, если бы вы не задавали своих вопросов.

Он поворачивается, едва ли не задетый.

– То есть думаю ли я, что ретравматизирую женщин, прося рассказывать эти истории?

Я изображаю безразличие.

– Наверное, мой вопрос об этом. Да.

Он бросает взгляд через стойку на Митча, который все еще ждет, пока расплавится сыр для моего рубена. Возможно, Тому Галлагеру хотелось бы, чтобы Митч готовил наши сэндвичи чуть быстрее.

– Я думаю, травма в любом случае никуда не девается. Я думаю, иногда женщинам помогает то, что они могут рассказать свою историю, то, что их слушают. И если я могу быть тут полезен, то всегда рад.

Теперь он всматривается в меня; взгляд голубых глаз твердый.

– Я также думаю, что такое злоупотребление властью следует пресекать. А иногда для того, чтобы разоблачить определенную несправедливость, нужно немного слез и боли... Нужно сказать какую-то тяжкую правду.

Это взвешенные слова, и он продолжает меня изучать. Наконец я все-таки отвожу глаза; на душе у меня беспокойно. Интересно, кого еще он спрашивает для этого расследования, – но я сохраняю безучастное выражение лица.

– Хорошо сказано, – киваю я.

Высокий класс, думаю я. Тебе бы по государственной части – вслед за папой.

Мы еще проникаемся моментом, когда к нам подходят две посетительницы закусочной. Точнее, подходят к Тому.

– Простите, – говорит одна. У нее кудрявые каштановые волосы, заколотые так, что облаком облекают голову; из-под пончо из мериносовой шерсти выглядывает рука со стаканом кофе. – Очень не хочется вас прерывать, но вы же Том Галлагер?

Тут же пристраивается ее подруга; у обеих в глазах обожание, с которым обычные люди подходят к знаменитостям в общественных местах.

– Э-э, да. Да, это я. – Он принимает свой обычный скромный вид.

Благоговение в их взглядах разгорается еще ярче.

– Мы и подумали, что это вы можете быть, – ведь здание “Нью-Йорк таймс” прямо тут рядом.

– Ну надо же, а я только хотела сказать... спасибо *огромное* за то, что вы делаете. – Женщина протягивает свободную руку и кладет ее Тому на локоть. Я замечаю, что он слегка вздрагивает. Не думаю, что это замечает она.

– Это *так* важно, – вставляет вторая.

– Вот правда, как бы каждый раз, когда у вас выходит статья, я знаю, что она раскроет какой-нибудь очередной ужас.

– И кто-то же должен высказаться за этих женщин! Я *так рада*, что это делаете вы.

Этих женщин, думаю я. Я тут как будто не при делах – слушаю эти излияния. *Кто-то же должен высказаться за этих женщин?*

Самокритичный Том поднимает руки.

– Послушайте, я просто... Я выслушиваю истории, которые должны быть рассказаны. И помогаю их рассказать.

– Ну и слава богу. Потому что уже пора что-то делать с тем, как эти мужчины себя ведут.

– Отвратительно, просто отвратительно. – Вторая качает головой.

– Еще много историй надо рассказать, – говорит он. И его глаза едва заметно двигаются в мою сторону.

– Да уж наверняка, – говорит первая. – Наверняка таких историй еще много. И не только о Билле Косби и этом, как его, Вайнштейне – о множестве других мужчин, я в этом уверена.

– Ха-ха, это еще только начало, а? – гогочет вторая и хлопает подругу по плечу.

Не просите селфи, не просите селфи, не просите селфи, телепатически заклинаю их я.

– Слушайте, не хочу вас задерживать, – женщина бросает

взгляд на меня, кивает. – Я знаю, вы журналист занятой, так что да, мы просто хотели сказать: делайте, что делаете, Том Галлагер. Мы за вас болеем.

– Ну, спасибо, спасибо. Это для меня очень важно. – Он прижимает руки к груди в знак признательности и кивает на прощание.

Женщины идут к двери, сияя и улыбаясь.

Когда они уходят, в закусочной наступает затишье.

Митч подает голос из-за стойки:

– Ну, Том, ты даешь. Где ты, там и твои поклонники. Хочу как-нибудь повесить на стену твоё фото!

Он показывает на неприменный фотоколлаж, демонстрирующий знаменитостей, некогда посетивших его закусочную: Билла Клинтона, Лайзу Миннелли, Майкла Блумберга, Шакиру.

– Как-нибудь, – кричит Том в ответ. – Где, кстати, наши сэндвичи?

– А вот они, завернуты и готовы к отправке. Ждут ваше высочество.

Митч делает своими толстыми руками куртуазные жесты, и Том смеется.

– Давай их уже сюда.

Когда мы выходим из закусочной, Том поворачивается ко мне.

– Простите, что так получилось.

– Ничего страшного, – говорю я. – Когда-то для меня было обычным делом находиться рядом со знаменитыми людьми.

Мы на углу, ждем, когда переключится светофор,двигаемся вперед, как делают все ньюйоркцы, спеша перейти дорогу, пока снова не хлынут машины.

– Могу себе представить, – он заговорщицки смотрит на меня. – Вам нужно будет рассказать об этом побольше.

Расшифровка разговора (фрагмент): Сильвия Циммерман, частный дом, Верхний Ист-Сайд. Воскресенье, 29 октября, 14 часов 07 минут.

сильвия циммерман: Том, я понимаю, насколько важно ваше расследование. Но не могу взять в толк, почему вы хотите говорить со мной. Ни на одной из наших съемочных площадок ничего не было.

том галлагер: Я просто хочу выяснить, как обстояли дела в 2006 году... Вы же понимаете, кого я имею в виду, да?

сц: Ну да. Догадываюсь, что одну конкретную персону.

тг: Не назовете ли имя этой персоны? Как вы знаете, все совершенно конфиденциально.

сц: Предположу, что вы интересуетесь Хьюго Нортон.

тг: А почему вы думаете, что именно им?

сц (язвительно): Да это вполне очевидно. Уж такой вот он человек.

тг: Нельзя ли подробнее?

сц: Очень колоритный. Любит роскошь. Привык, что все делается, как ему хочется... Знаете вы таких. Не говорите, что еще не встречались с подобными людьми в кругу общения вашей семьи, Том. Все мы с ними встречались. Ему ни для чего и палец о палец ударять не нужно. Двери перед ним

сами собой распахиваются.

тг: Как, на ваш взгляд, он попал в киноиндустрию?

сц: Да вот так и попал. Двери перед ним сами собой распахнулись... Послушайте, я... Я никакого отношения не имею к тому, что он делал потом. Я, возможно, нечаянно сыграла какую-то роль в том, что он укрепился в кинобизнесе, но... мы об этом можем попозже поговорить.

тг: Ладно. Какое впечатление Хьюго Норт произвел на вас при знакомстве?

сц: Наверное, он показался мне человеком, способным все для нас устроить... Забавно, я всегда говорила, что продюсер – это человек, который все устраивает. Но в этом мире единственное, что по-настоящему все устраивает, – это деньги.

тг: Единственное?

сц: Пожалуй, есть что-то еще. Напор. Семейные связи. Талант. “Страсть”, как в этом бизнесе частенько говорят.

тг: В ваших словах слышится цинизм...

сц: Разумеется, я цинична. Том, я проработала в кинобизнесе больше двадцати лет. Как после этого не быть циничной?

Глава 11

Переменка кончилась, мы с Томом снова на двадцать пятом этаже и пытаемся соблюдать тот же политес, что раньше. Но после похода в закусочную произошел какой-то неуправляемый сдвиг.

– *Я просто помогаю этим женщинам рассказать их истории,* – передразниваю я Тома. – Серьезно? Вам кажется, нам нужна помощь?

От этой дерзости у меня приятно захватывает дух.

Том с невинным видом поднимает руки.

– Со мной так все время заговаривают. Сам я внимания не ищу.

Как бы не так, думаю я.

– Это просто удачный побочный эффект работы, которую вы делаете, – говорю я с очевидным сарказмом.

Своей мегаваттной улыбкой Том пытается обратить все в шутку. Не в силах удержаться, я тоже посмеиваюсь.

– Итак, после Канн в... 2006 году, – он заглядывает в свои записи, пытаюсь вернуть себе контроль над ситуацией. – Каково это было – начать работать с Хьюго Нортом? Какие у вас были первые впечатления о нем?

– Такие, словно Хьюго Норт с другой планеты. Он же был британский миллиардер, это был единственный известный мне факт, его характеризующий. Много ли британских мил-

лиардеров я видела прежде? Я из Флашинга.

Тут Том вслух смеется. Когда я вижу, что моя индифферентная реприза вызвала у него смех, во мне слегка прибывает эндорфинов. Мои щеки начинают пылать, и я воспринимаю это как тревожный знак.

(Даже не думай, предостерегаю я себя. Не нужен тебе этот мажор.)

Хьюго Норт был богат и, возможно, известен в некоторых кругах – но не мне. Поиск в интернете выдал приблизительную стоимость его чистых активов и его фотографии с женой, светской дамой, сделанные на всяких громких британских свадьбах и сборищах. Но опять же, я не очень себе представляла, кто в Великобритании большие шишки – не считая членов королевской семьи, Дэвида Бэкхема и нескольких звезд кино и шоу-бизнеса, удачно пересекших Атлантику.

– Как вам кажется, мог этот недостаток сведений о нем создать вокруг него своего рода дымовую завесу? Потому что никто толком не знал, что он делал в других областях?

Вполне возможно. Но опять же, в киноиндустрии все так и устроено, правда? Создай вокруг себя атмосферу таинственности, продемонстрируй свое сказочное богатство – и все вдруг захотят с тобой работать.

Так что Хьюго знал, что делает. И все было разыграно как по нотам.

Начать с того, что сразу после премьеры фильма Зандера в

Каннах зашумели профильные издания. Должна признаться, что, когда я видела эти статьи в “Вэрайети” и “Скрин дейли”, у меня шла кругом голова и все было как во сне.

Норт покупает половину “Фаерфлай филмс”.

Шульц ударяет по рукам с британским инвестором.

Хьюго, естественно, фигурировал в обоих заголовках, а Сильвии было не видать – но это понятно. Чьи деньги, тому и слава. Мы с Сильвией упоминались в статьях ниже.

Норт вместе с Сильвией Циммерман займется продюсированием новых работ Шульца и пополняющегося состава других режиссеров. Сара Лай возглавит отдел развития.

Последнюю фразу я хотела выделить, увеличить и обратиться для родителей. Мама, папа, – видите? У меня получилось. Глава отдела развития. Мы сделали фильм, который показали на Каннском кинофестивале! Меня упомянули в статье в “Вэрайети”! Карьера в кинобизнесе оказалась не такой глупостью, как вы говорили!

Родители и впрямь были впечатлены. Я утащила кучу журналов из павильона “Сохохаус” и привезла их во Флашинг. Мы устроили семейный праздник с их особой уткой по-пекински и еще не початой бутылкой “Курвуазье” (прикладывались к коньяку только мы с папой; мама выпивала очень редко, а сестра была на втором триместре).

– Так что же это значит? – спросила Карен, штудирюя публикацию в “Вэрайети”. Она все оглаживала свой круглый живот – эти движения казались мне такими диковинными.

– Это значит, что нам подфартило, – ухмыльнулась я. Хотела добавить: это значит, что вы можете больше за меня не волноваться.

Ах, неразумие молодости!

Я знаю, что папа сохранил эту статью, потому что полтора года назад, когда я зашла к нему в кабинет за одним его рецептом, я увидела ее под прозрачным оргстеклом, покрывавшим его стол. Она не была спрятана; текст статьи был в круглых кофейных следах от чашек. Из-за того, что я ее заметила, из-за напоминания о негласной отцовской гордости, что-то во мне сжалось от сожаления. О карьере, которую я могла сделать. Или – о карьере, на которую хотя бы позволяла надеяться эта статья. И о том, что я так ошибалась, думая, что могу быть частью этого мира.

В тех же статьях упоминался следующий фильм Зандера, и с рекламной точки зрения это было полезнее всего. *Шульц запускает в производство свой следующий фильм; в скором времени начнется подбор актеров.*

Благодаря одной этой напечатанной фразе наши телефонные линии и почтовые ящики перегрузило в тот же день, когда вышли статьи. Это был наш предпоследний день в Каннах; я взглянула на свой “блэкбери”: уже приходили просьбы о срочных встречах.

Видел отличную статью в “Вэрайти”! Очень хотел бы побольше узнать о вашем проекте. Вдруг вы еще в Каннах –

может быть, встретимся и потолкуем?

Когда через два дня я вернулась в наш нью-йоркский офис, автоответчик был забит уведомлениями, оставленными кастинг-директорами, агентами и, да, несколькими бесшабашными актерами. (Всем начинающим актерам: НЕ оставляйте уведомлений на автоответчиках в офисах продюсерских компаний. Никто даже не взглянет на вашу фотографию, если вы не действуете через агента.)

Объявились и прокатчики с агентами по продажам – знак того, что положение дел менялось. Теперь уже не мы бегали за ними, пытаюсь заинтересовать их *нашим*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.